

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ФУРКАТ

ИЗБРАННОЕ

ТАШКЕНТ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «ШАРК»

2006

ЗАКИРДЖАН ФУРКАТ
(1858-1909)

Поэт и публицист Закирджан Фуркат открыл новую (границу в истории узбекской культуры, внес большой вклад в развитие литературы.

Вместе с такими выдающимися поэтами второй половины XIX — начала XX века как Мукими, Ахмад Дониш, Лавки, Камил Хорезми, Фуркат участвовал в создании демократической литературы.

Ненависть к деспотизму и тирании, мечты об экономическом и культурном развитии родной страны, горячее желание помочь своему народу встать на путь культуры и прогресса — вот что волновало Фурката, что выливалось в пламенные строки.

Наряду с произведениями, насыщенными социальными идеями, Фуркат написал много лирических газелей, и которых выражены восторженная любовь к жизни и людям, его нравственные воззрения.

В газелях Фурката слышен голос человека, умеющего чувствовать жизнь во всей красоте. Оригинальность Стиля, тонкость и глубина мысли позволяют причислить Эти стихи к лучшим образцам узбекской лирической поэзии конца XIX — начала XX века. Многие из газелей широко известны как народные песни.

Фуркат выступал в печати и с публицистическими статьями. Он был первым публицистом среди узбекских поэтов. Мыслитель и гуманист Фуркат видел путь к избавлению от невежества в обучении детей в школах, в знакомстве с мировой культурой.

Закирджан Халмухаммед, писавший под поэтическим псевдонимом Фуркат (Разлука), родился в 1858 году в Коканде, в семье мелкого торговца-ремесленника. Учился в мактабе — старометодной школе, затем в медресе. Тяжелое материальное положение семьи вынудило 17-летнего Закирджана оставить занятия в медресе. Он служит приказчиком и одновременно занимается творчеством.

В мае 1889 года Фуркат переехал в Ташкент и поселился в медресе Кукельдаш. В Ташкенте поэт прожил два года. Этот период был самым плодотворным в творчестве Фурката. Здесь перед поэтом открылась возможность полнее приобщиться к мировой культуре.

Пропагандируя своими произведениями, созданными в ташкентский период, совершенно новые для узбекской литературы конца XIX века идеи, Фуркат выступил как передовой поэт-новатор. В таких произведениях, как «Гимназия», «О науке», «О театре», «О музыкальном собрании», «О назначении поэта и возвышенности поэзии», «О выставке», «Рояль», «Суворов»

и др., Фуркат выступает страстным поборником просвещения, ратует за приобщение к культуре, науке.

В мае 1891 года Фуркат отправился из Ташкента в Самарканд. Оттуда он выехал за границу. Поэт побывал в Турции, Греции, Болгарии, Египте. Весной 1892 года Фуркат едет в Аравию, живет некоторое время в Мекке. Осенью 1892 года Фуркат прибывает в Бомбей, совершает путешествие по Индии. В марте 1893 года поэт направляется в Кашмир, затем в Кашгар. Позже Фуркат переезжает в Синьцзянскую провинцию Китая, где избирает своим местожительством город Яркенд.

Фуркат последовательно, до конца жизни утверждал идею дружбы народов. Путешествуя по дальним странам, поэт не забывал своей родины.

Тоскуя по своей земле, он писал:

*От мук страданий не могу избавиться никак,
Печалью на чужбине я, влечет к родным местам.*

Фуркат прожил последние годы в Яркенде, где и скончался в 1909 году.

Стихи поэта переведены на русский, таджикский, уйгурский и другие языки и не раз переиздавались большими тиражами. Поэзия Фурката продолжает жить, продолжает радовать многочисленных читателей.

Халид Расул.

ГАЗЕЛИ

Когда бы сад расцвел весной и розы в нем прекрасны были!
влюбленным надо быть вдвоем, чтобы слова их страстны были!

Дала обет не пить вина возлюбленная в день осенний,
Час возлияний наступил — обеты все напрасны были!

Прохладный воздух, водоем, в тени удобная скамейка,
К воде склонившийся тростник когда б со мной всечасно были!

Вина рубинового ток, кувшин и золотая чаша —
Была б красавица со мной! — они бы нам подвластны были.

Когда б над розой соловей и горлинка на кипарисе
Здесь тосковали по тебе; как я, в любви несчастны были!

Там кавсара и райский сад, святое древо — что в них проку?
Айваны мира и пиры мы позабыть не властны были!

Сад мира полон торжества не для ничтожного Фурката,
В его обители — печаль и дни его ненастны были...

* * *

Это ль капельки пота на алом лице от вина,

Иль росинки на розе, зарей пробужденной от сна?

Брови ль этой усма, или ржавый от крови кинжал,
Или краской залили бровей ее свод дочерна?

Это кудри вокруг щек иль драконы с обеих сторон
Охраняют шкатулку, что дивных сокровищ полна?

Ты открыла лицо, и замолкли тотчас в цветнике
Соловей, обезумевший, горлинка, — что влюблена.

Пыль, что ты подняла, люди рвут друг у друга из рук
Так сбегаются нищие к месту, где блещет казна.

Под угрозой кинжалов, под лезвием тонких бровей
Усмирились глаза твои — буйные два колдуна.

Сбрось надменность свою! Эта ноша не красит тебя —
Шелк приличней красавице той, что хрупка и нежна.

Только стоит взойти полумесяцам тонких бровей,
Что над звездами глаз, — у Фурката душа смятена!

* * *

В Кашмир приехав, я увидел ее, подобную луне.
Какие чары взор волшебный таит в бездонной глубине!

Днем золотит ей солнце кудри, но ты и на заре сказал бы:
Всю ночь красавица купалась в иксире — в золотой волне.

За ямочку на подбородке опять могли б Харут с Марутом,
Покинув небо, согласиться во тьме колодца жить на дне.

Когда бы меч сверкал подобно ее глазам, слегка раскосым,
Его бы с молнией сравнил я, блеснувшей в бурной вышине.

Над бровью точку я заметил, в ней тайна — родника сокрыта,
При чтении суры корана такую «нун» казалась мне.

Любой пленяется мгновенно ее красой неотразимой,
К ее кудрям привязан юный, а старец полонен вдвойне.

Я молвил: «Разве точку ставят близ губ?» Она в ответ с улыбкой:
«Художник мира промахнулся, и это — по его вине».

Она сказала: «Бедный, бедный! Зачем ты родину покинул?»
Я отвечал: «Судьба Фурката — в чужой томиться стороне».

* * *

Пред ликом твоим даже солнце смущенно зарделось огнем,
В кровавой заре утонуло и скрылось во мраке ночном.

Вошла ты в свой сад, о подруга, сняла покрывало с лица,
И роза среди листьев весенних смущенно поникла челом.

Гною красоту, как загадку, понять мудрецы не могли:
Сначала в сомненье молчали и спорили долго потом.

Гной стан так прекрасен, что даже и сам горделивый самшит
К ногам твоим голову клонит, забывшись пленительным сном.

Красавица дивная! В жертву я сердце отдам за тебя.
Пусть вечно минуют печали наполненный радостью дом!

Кто был на земле к тебе близок и к небу хвалы не вознес,
Пусть будет испытан разлукой, пусть вспомнит о счастье своем!

Как буква «алиф» благоденствуй, что пишется в слове «аман»,
Взойди на ступень совершенства и сжался над бедным рабом.

У губ твоих родинка — чудо, дыхание — амбры нежней,
В ветвях о тебе попугаи щебечут и ночью и днем.

В печальных глазах я хотел бы, как душу, тебя сохранить.
Верни мне покой, и не стану я больше просить ни о чем.

Все люди полны благочестья, один недостойный — Фуркат.
Ужель на распутье покинешь меня между злом и добром?

* * *

Только черные кудри распустит царица в саду —
Гиацинта мгновенно досада снедает в саду.

Из-за щек ее нежных в смятенье увял базилик,
Уступил их румянцу тюльпан ярко-алый в саду...

О китайская пери, ты в шутку мне слово дала.
Ты свиданье, смеясь, мне вчера обещала в саду.

Не стеной, соловей! Та, что розы нежней, не пришла!
Тише, горлинка!.. Нынче она не мелькнула в саду.

Этим дивным престолом владеет султан красоты —

Занимать его розе отнюдь не пристало в саду.

Увидав ее стан, изогнулся, поблек кипарис:
Стало стыдно ему, что он значит столь мало в саду!

Ах как утро прекрасно! Тюльпаны налиты росой,
Как вином искрометным цветные фиалы в саду.

Если горлинка стонет и плачет в саду соловей,
Как влюбленному быть? Сердце плакать устало в саду!

Соловей у тебя пусть поучится грусти, Фуркат,
Чтобы музыка слов твоих песней звучала в саду.

* * *

Мне печаль и огорченья жизнь приносит каждый миг,
Избавленья от страданий сердце просит каждый миг.

Что же делать, если гонит и меня жестокий век,
И судьба одни тревоги мне пророчит каждый миг?

Я сижу в корчме печали, виночерпий всех разлук
Чашу горечи и скорби мне подносит каждый миг.

Что же делать, если светлый день в глазах моих потух?
От меня покой и счастье вдаль уносит каждый миг.

Краски мира потускнели, так гнетет меня печаль,
Что истерзанное сердце слезы точит каждый миг.

Вдруг обида из засады дерзкий совершит налет
И отравленные стрелы в сердце бросит каждый миг.

Как же горькую разлуку сердце вынесет, Фуркат?
Ведь судьба песком забвенья нас заносит каждый миг.

* * *

Как с лицом твоим смеет сравниться тюльпан полевой?
Он ведь лишь пиала, вся в крови, меж степною травой!

Тот, кто стан твой пленительный с деревом райским сравнил, —
Кипарис уподобил в неведенье иве кривой.

До небес мои стоны дошли... Почему же, луна,
Ты не слышишь того, кто рыдает в разлуке с тобой?

«Без тебя я погибну!» — кричу я... Но взоры твои
И при жизни моей привлекает — о горе! — другой.

Вспомни время, когда был я милостью счастлив твоей
И не думал, что близок разлуки удар грозовой.

Лишь вступила ты в сад — розы поняли: спорить нельзя,
Застыдились они и склонились к земле головой.

Не о стане ль твоим разговоры зашли в медресе?
В каждой комнате — споры и шум, голосов разнобой...

Пожалей, о красавица! Силы иссякли мои!
Вдалеке от тебя поражен я смертельной тоской!..

Истомился Фуркат... Руку мне протяни! Доведи
До минуты свиданья своей милосердной рукой!

* * *

Я красавицу напрасно ожидаю в этот вечер,
Нет и нет ее, свечою я сгораю в этот вечер.

Ох, ни разу не явилась навестить она больного,
Нет красавицы, и в муке изнываю в этот вечер.

О друзья, зачем смеетесь надо мной, в беду попавшим?
Плачу горькими слезами и стенаю в этот вечер.

Мчусь по многим я пустыням, словно вихрь, без передышки,
В скорби слезы лью, вздыхаю и рыдаю в этот вечер.

Словно звуки флейты, стон мой слышен на девятом небе,
И в тростник мои суставы превратились в этот вечер.

Одного Фуркат желает — встречи как-нибудь добиться.
Он страдает от разлуки, он растерян в этот вечер.

* * *

Когда ко мне пришла любовь в тот вечер, ты не знала,
По каждый миг душа моя в беспамятстве сгорала.

Друзья справлялись обо мне, помочь хотели горю,
Смеясь: «Он ждал меня вчера», — друзьям ты отвечала.

Был собеседником твоим бесчестный мой соперник,
Ночь, полная глухой тоски, и для меня настала.

Что день, то хуже для меня, все тяжелей разлука;
Я должен повидать тебя во что бы то ни стало.

И тот давний вечер, о друзья, я потерял рассудок,
Напиток счастья с губ ее я пил, как из бокала.

Я взором пламенным зажжен и, как свеча, сгораю,
Душа моя, как мотылек, в огне затрепетала.

Хоть краем губ мне улыбнись и не гони Фурката.
Я помню мимолетный взгляд — любви моей начало.

* * *

О луноликой ли душа рыдала в этот вечер?
Меня разлукою она карала в этот вечер.

О виночерпий, дай вина! Плачу своей душою!
Не вспоминай, кого она встречала в этот вечер.

Зачем ты причиняла мне обиды и страданья?
Моя любовь одну тебя искала в этот вечер.

Хочу прославить сладость губ, твое благоволение,
Но нет нигде с живой водой фиала в этот вечер.

Могла б и на меня взглянуть, углом бровей играя,
Ведь ты свой взгляд на целый мир бросала в этот вечер.

Ах, что мне делать, если ты вдруг выйдешь на дорогу?
Душа в разлуке о тебе мечтала в этот вечер.

Ты у соперника была, так скрой же возвращенье,
Чтоб черной ревности луна не знала в этот вечер!

Лежу во прахе... Твой порог мне служит изголовьем,
О, если б ты слова любви сказала в этот вечер.

Никто не исцелит меня... О, сжался над Фуркатом!
Луна тебе мою судьбу вверяла в этот вечер.

* * *

Любимая, как мука тяжела!
Ты ласковой со мною мне была.

О мой бутон, о жалости молю,

Хочу, чтоб ты улыбкой обожгла!

Любимой зубки краше жемчугов,
И алость губ рубины превзошла.

Едва увидел я твое лицо,
Ты мой покой душевный унесла.

На каждой сходке красоте твоей
Из уст моих возносится хвала.

Ища тебя, я каландаром стал,
Его одежда стан мой облекла.

Краса зубов твоих в шкатулке рта
Жемчужиной в агате расцвела.

В безумия пустыне жил Меджнун,
О если б скорбь моя к нему ушла!

Довольно стонов, ведь тебя, Фуркат,
Любимая достойным назвала.

* * *

Зашел в трактир однажды я, мне было невдомек,
Что друга повстречаю я среди мирских тревог.

Томила жажда грудь мою смертельною тоской.
Он чашу подал мне с вином, и я отпил глоток.

Я в дружбе осторожен был, кто упрекнет меня
За то, что долго никому довериться не мог?

Преданье я сложить могу о жизни без друзей,
Полна превратностей судьба и жребий мой жесток.

Вздывает ветер прядь волос драконовым крылом, —
И мою лачугу верный друг вступает на порог.

О виночерпий! За него я жизнь отдам свою,
Пускай на дружеском пиру вина струится ток.

Фуркат был чудом изумлен, и вспыхнула душа —
Летит в огонь из тьмы ночей безумный мотылек.

* * *

О лунолика! До коих пор я буду встреч с тобой везде искать.
В разлуке долго ль жить мне суждено и по ночам в глухой тоске стенать?

Мечта моя рисует дивный стан, который был стройней, чем кипарис,
О, долго ль будет сердце вслед тебе египетской голубкой улетать?

Огнем разлуки сердце опалив, ты заставляешь слезы лить в тоске.
О незабвенная, до коих пор мне от жестокостей твоих страдать?

От горя сердце сжалось, как бутон, когда его сожжет дыханьем зной,
Перед соперником до коих пор ты будешь алой розой расцветать?

В твоём хараме пир идет горой, ты неверна, ты пьешь вино с другим,
А я у стен твоих брожу один... До коих пор мне слезы проливать?

Ты так жестоко обошлась со мной; как холодный камень сердце у тебя;
Душа моя, до коих пор меня безжалостно ты будешь притеснять?

Возможно ли разлуку превозмочь, увижу ли я блеск прекрасных глаз?
До коих пор о них больной Фуркат в разлуке будет день и ночь рыдать?

* * *

Твое лицо, как месяц в час восхода,
Для нас огонь — и счастье и невзгода.

Владел водою жизни Хызр счастливый,
И ты найдешь признание у народа.

Уста — в саду застенчивости роза,
А стан — самшит, что создала природа.

Твоя душа укрылась под ресницы;
Они стоят, как стражники у входа.

В глазах твоих так много сил и света,
Живет в них вечно отблеск небосвода.

Заговоришь — проснется птица сердца,
И речь твоя светлей и слаще меда.

Не ослепляй меня игрой кокетства,
Тебе нужны лучи иного рода.

Ты превосходишь блеском Искандера,
И ты легендой станешь у народа.

Порог твой выше, чем престол Джамшида,

У солнца есть небесная свобода.

Красы, души и разума созвездье
В моих глазах затмила непогода.

Фуркат в огне сгорит, как саламандра,
Какого мне еще искать исхода?

* * *

Нет, не звезды освещают этот мир по вечерам —
Я в огне, и пламя вздохов мечет искры к небесам.

Неужели гранит — не сердце, дорогая, у тебя?
Я в обиде, горько плачу — ты глуха к моим слезам.

По Корану иль по четкам я гадаю без конца,
Не приснится ли твой образ, как луна, мне по ночам.

Слезы горькие смываю непрестанно я с лица,
С горя рот свой полощу я черной кровью по утрам.

Окажи мне милость, меру в жалобах я потерял,
Что рыдания постыдны, понимаю это сам.

Если гляну на другую, истина — свидетель мне,
Принести тогда ты можешь черноту моих щекам.

Уголками глаз хотя бы ты взглянула на меня,
В жилах кровь остановилась, подошла душа к губам.

Если вдруг ко мне заглянет в гости ласковый твой пес,
Пир готов — мою он печень пусть съедает по частям.

Если средства нет от муки, где же выход, о Фуркат?
Ведь давным-давно потерял счет обидам и скорбям.

* * *

Ты, как молния, сверкнула в платье красном, как тюльпан,
И торговый ряд в смятенье зашумел, как балаган.

Соловей, в тебя влюбленный, горько плачет в цветнике,
Сколько звезд на ясном небе, столько в сердце жгучих ран.

Благородного Египта горделива красота,
И тебе Юсуф Кеньана в услуженье богом дан.

Наконец-то явлен миру блеск прекрасного лица,
И взметнулись, как пылинки, луноликие всех стран.

Только это равнодушие не к лицу такой красе,
Для чего ты брови хмуришь как разгневанный хакан?

Но пока сияют солнце и луна на небесах,
Свет души твоей прогонит и коварство, и обман.

Ты в поэзию вписала имя доброе свое,
И пришло к Фуркату счастье, как могучий ураган.

* * *

Она, открыв лицо, смутила небосклон,
Звездой ее красы весь мир был ослеплен.

А мне... Мне жизни нет без этих нежных уст,
Волной моей крови цветник мой орошен.

Кто сердце сбережет от стрел ее ресниц?!
Никто!.. О, как мечусь, ее красой сражен!

Ей весело всю ночь с другими пировать,
А мой удел иной. Я от тоски хмелен.

Был ангел смерти здесь, в пристанище моем,
Взглянул и, застыдясь, меня не тронул он.

Танбур — в ее руке, она всю ночь поет,
А мне напев другой — больного сердца стон.

Страшна разлуки боль. Предела нету ей.
Лежит в пыли Фуркат, огнем любви сожжен.

* * *

Красавица! Есть ли страданию предел?
В душе разоренной огонь догорел...

Зачем ты с другими добра и нежна,
А мне лишь упреки достались в удел?

Душа вечерами трепещет в тоске,
От скорби в глазах моих свет потемнел.

Налей, виночерпий, вина! В этот век
Судьбы роковой я избегнуть хотел.

Верни меня к миру, чтоб черный монах
С упреком сегодня на нас поглядел...

Душа почернела на углях тоски,
Обиду разлуки я долго терпел.

В колечках запутанных косы твои,
И кто этой сети избегнуть сумел?

Яви состраданье к рабу своему!
Кто может стать славным без праведных дел?

И если б я умер в разлуке с тобой,
И если б воскреснуть мне жребий велел,

И я бы вцепился, как дети, в подол,
То как бы на это господь поглядел?

* * *

Ты розе задала вопрос, о розоликая моя,
И смолкла роза пред тобой, затихла песня соловья.

Самшит на твой прелестный стан полюбоваться захотел,
И зависть тотчас обвила его, как черная змея.

Увидев новую луну, готов я жертвовать душой, —
На небе месяцы бровей в ночь новолунья вижу я.

Прислужник-ветер, не волнуй ее распущенных кудрей,
И так волнует сердце мне их благовонная струя.

Сурьюмою подвела глаза и точкой-родинкой меня
Вконец сразила — в грудь мою вонзились страсти-лезвия.

Погиб Фуркат в сетях любви, но все же радуется он,
На встречу с милою своей надежду светлую тая.

* * *

Ищу лекарства от скорбей, но не могу нигде найти.
Увы! Бесценный жизни цвет бесплодно может отцвести!

Как часто к шейхам я входил, в смиренье у порога ждал,
Быть может, кто-нибудь из них ко мне захочет снизойти!

Как часто я плутал во тьме и тщетно звал проводника,

Чтоб за руку меня он взял, прямые указал пути.

Как часто у святых в ногах лежал, припав лицом к земле,
Пыль из-под ног их собирал и, как бальзам, сжимал в горсти!

К аскету я взывал в слезах, но палку поднимал аскет
И гнал меня из кельи прочь, с пути хотел меня свести!

Как часто я чужих людей за самых близких принимал,
И тайны сердца моего от них я не сумел спасти.

Теперь я думаю: «В степях я буду жить, среди зверей,
У современников моих, должно быть, верность не в чести!»

Советчик, зря даешь совет! Кого избавишь от беды?
Кто любит, этим же путем пойдет, чтоб горе обрести.

Но есть ли в мире человек в таком отчаянье, как я,
Кто б никогда не находил успокоенья в бытии?!

Что делать, если сотни мук на части сердце рассекли
И друга я не отыскал, с кем душу можно отвести?!

И я услышал: «Встань, Фуркат...
Ты должен в долгий путь идти!»

* * *

О, сколько он в сердца влюбленных внес разрушенья, твой портрет!
Меня от одного лишь взгляда привел в смятенье твой портрет.

Как устояли христиане, увидев эту красоту?
Меня навек лишил покоя, лишил терпенья твой портрет.

Придумывая форму стана для кипарисов и для пальм,
Природа сквозь века видала их повторенье — твой портрет.

Не мог китайский живописец изобразить твой тонкий стан.
У многих русских вызывает благословенье твой портрет.

Ведь если в храм его поставить, к его подножью лег бы крест,
К нему бы шли молиться — создан для преклоненья твой портрет.

Не удивительно, что мертвым твой образ возвращает жизнь.
О, разве не Христа, не бога изображенье — твой портрет?

Луна глядит не наглядится, не отрывает солнце глаз —
Им тоже твой портрет как чудо. Их наслажденье — твой портрет.

Так что ж, Фуркат?! Он только глянул, он только глянул — и ему
Разрушил и разграбил сердце в одно мгновение твой портрет.

* * *

О пери, жизнь мою в недуг ты превратила и ушла.
Разлукой сердце в кладезь мук ты превратила и ушла.

Нам, как посланница небес, ты стала видима на миг,
Нас в горлинок — тоски подруг — ты превратила и ушла.

Мы горлинками стонем вслед, тоскуем о тебе в слезах.
Всех нас в рабов своих и слуг ты превратила и ушла.

Как роза, улыбалась ты, представ нежданно предо мной.
В бутон кровавый сердце вдруг ты превратила и ушла.

И путь отбыла ты, госпожа! Рыдает бедный раб Фуркат.
Любовь в разлуку из разлук ты превратила и ушла.

* * *

О, как неверны, как жестоки, мой гений злой, твои глаза!
Без счета мусульман сгубили, став западней, твои глаза.

В цепях кудрей твоих томятся сердца поклонников твоих.
Захочешь ты — и, убивая, разят стрелой твои глаза.

О, как мы мечемся, не зная, что нужно делать нам, когда
«Уйди!» твои прикажут брови, прикажут «Стой!» твои глаза.

Зачем коришь меня, кокетка, что пьян, что мой неверен шаг?
Нина не пил я! Виноваты, что я хмельной, твои глаза.

Рукой красы твоей разрушен отшельнический мой шалаш,
Кто сделал так, что я утратил почет былой? Твои глаза!

При виде щек твоих атласных поблек душистой розы цвет,
Навек нарцисса покорили своей красой твои глаза.

Газель тоскует днем и ночью. Что причинило горе ей?
Заставили ее скитаться в глуши степной твои глаза.

Вернись! Пускай опять увижу твой стан, бутоны губ твоих.
Пусть до конца сожгут Фурката, властитель мой, твои глаза!

* * *

Едва пригубишь ты вина, заблещет, что кинжал, твой взор.
Сто человек в единый миг сражает наповал твой взор.

Пленительная чернота малютки-родинки твоей
На негров сделала набег, их войско взбунтовал твой взор.

Всей силы взора твоего и камню выдержать невмочь.
Подвижным сделал, точно ртуть, немую гладь зеркал твой взор.

Увы! Пробита в мире брешь! Весь мир погублен! Я страшусь,
Что скоро кровь прольет рекой, запенив красный вал, твой взор!

Перед сурьюмою глаз твоих все драгоценности — ничто!
Кто обесценил изумруд, унизил гордый лал?.. Твой взор!

Светила яркие слились в одном созвездии Стрельца —
И Марса с нежною Луной, сияя, сочетал твой взор.

Когда не перенял он гнев Али, могучего царя,
Так почему же лук бровей на меч перековал твой взор?

Китайский мускус посрамлен благоуханьем кос твоих,
Газель хотанскую смутил и в степь назад прогнал твой взор!

О, выпей на пиру вина!.. Чтоб на Фурката твоего,
Его томленье утолив, хоть невзначай упал твой взор!

* * *

Силу тайных чар явили, милая, твои глаза!
Колдовали не они ли, милая, твои глаза?

Устоять ли, если, вскинув луки черные бровей,
В сердце стрелы устремили, милая, твои глаза?

Если губ твоих рубины животворны для сердец,
Все равно ведут к могиле, милая, твои глаза!

Ты сурьюмой пренебрегаешь, ведь достоинство ее
Обратили в горстку пыли, милая, твои глаза!

Из причуд, из небреженья, всем разумникам на страх,
Меч и копыя сотворили, милая, твои глаза!

Как не быть в смятенье миру, если бурю всякий раз
Пробуждают без усилий, милая, твои глаза!

Как мне посохом не делать тени легкие ресниц,
Если сил меня лишили, милая, твои глаза!

Кудри мускус устыдили, и хотанскую газель
Тотчас в бегство обратили, милая, твои глаза!

Куря в сердце у Фурката! Но в сияние звезды
Молний блеск преобразили, милая, твои глаза!

* * *

Проливают кровь рекою палачи — глаза твои,
Жизнь уста твои даруют, жгут лучи — глаза твои.

Если мученику-сердцу облегченье взор сулит,
То газель ввергают в трепет, как бичи, глаза твои.

Мечешь ты в сердца влюбленных стрелы острые ресниц.
Крепость царства сокрушили, как мечи, глаза твои.

«Взглядом я казню», — сказала... Ой, раскаешься! Смотри!
Чтоб потом не проливали слез в ночи глаза твои!

Не сурьми глаза — о пери! — чтобы мир не потопить,
Ибо вызовут у многих слез ручьи глаза твои.

Болен был Фуркат в разлуке... Ныне — слава небесам! —
Исцеленье даровали мне врачи — глаза твои.

* * *

Из-за горестной разлуки с той, что сердцу так близка,
Льется вечером и утром горьких слез моих река.

По ночам грущу о черной круглой родинке твоей,
Что мне делать, если горек этот шарик терьяка!

Жизнь отдам за горстку пыли из-под ног того гонца,
Кто мое письмо доставит ей, что нынче далека.

При моем последнем вздохе отлетит вот-вот душа...
Долго ль длиться дням разлуки, столь похожим на века?

Пусть не думают, что в чаше — розоцветное вино, —
Кровь глотаю, вспомнив губы, — два рубиновых цветка.

Отбыла моя царица, я смотрел украдкой вслед,
Как покой мой уводила за собой ее рука.

Соловьем Фуркат рыдает, стонет горлинкой о той,
Что стройнее кипариса, тоньше розы стебелька.

* * *

Душа подступила к губам моим,
Но ты не внимаешь словам моим.

Весной я приблизился к розе в саду,
Шипы прикоснулись к рукам моим.

Не верила пери в безумье любви,
Собаки бегут по следам моим.

Мальчишки камнями кидают в меня,
Убейте, отдайте врагам моим!

От горя я ворот себе разорвал,
И грязь прилипает к ногам моим.

Когда я умру, на могиле моей
Ты скажешь: «Он верил словам моим».

Зачем на глаза наступаешь ногой,
И нет исполненья мечтам моим?

* * *

Ты, о пери, равнодушьем насмерть поразила нас,
Хоть уста твои — рубины — жизнь вернуть могли б тотчас.

И ночь разлуки не внимала ты стенаниям моим.
Неужель в надменном сердце луч сочувствия погас?!

Мне ль не таять, словно свечка? Мне ль не плакать, если ты
Меж соперников пируешь, не сомкнув до света глаз?

Ноль в груди моей теснится, облегчить ее нельзя,
Ведь со мною не желаешь ты остаться ни на час.

Стан самшита изогнулся, обломился кипарис,
Ибо только ты явилась, зависть тотчас в них впилась.

Встречей счастливы другие, я ж в разлуке изнемог,
Где твой ясный разум, пери, — светлый мудрости алмаз?

Ты — недобрая подруга! «Из-за чьей красы Фуркат

Впал в любовное безумье?» — ты спросила бы хоть раз?

* * *

Твой стан, как пальма и как роза. Их цвет, их листья — шаль твоя.
Так пусть укроет их от смерча небесный праведный судья.

Прости. Сравнив тебя и розу, я был неправ, о мой кумир!
Чья красота с твоей сравнится? Хоть обойди весь мир — ничья!

Что там? На пиршестве разбилась амфора с пурпурным вином?
Нет. Это на твоей одежде забাগровела кровь моя.

О милая! Когда ты мчишься на взвихренном своем коне,
Следы подков его целую, любви смиренной не тая.

Дом сердца моего разрушен. Но ты приди — целы глаза.
Они, влюбленные, пригодны для твоего, мой шах, жилья.

Знай, пери: все мои стремленья, все мысли отданы тебе,
Твоим врагам я враг навеки, твои друзья - мои друзья.

Но ты любовь мою отвергла. Другой увлек тебя, другой!
Ну что ж, Фуркат, исчезни, скройся в унылый мрак небытия!

* * *

О розолика, ты слышишь? Рыдаю, точно соловей, рыдаю
В белый час рассвета, рыдаю в сумраке ночей!

В твоих устах таилась тайна. Спросил я: «Что скрываешь ты?»
Улыбкой ты раскрыла тайну. О, лучше б я не знал о ней!..

На красоты твоей хирмане приманкой — родинка-зерно,
Ах, как легко поймалось сердце в тугой силок твоих кудрей!

В тот день пришла ты на свиданье. Ты уступила так легко!
Теперь я брошен. Есть ли в мире тоска трудней, тоска больней?!

Теперь другой в твоих объятьях. Ему улыбки даришь ты!
Он был мне друг. Теперь он враг мой. Заклятый.

До скончанья дней. Я стал посмешищем повсюду. Что о разумных
говорить?..
Безумные и те смеются над жалкою судьбой моей!

О розолика, откликнись! Вернись к больному, исцели!
На скорбные глаза Фурката бальзам свидания пролей!

* * *

Мудрецы, мне на щеки, что розы алей, посмотрите,
Возбуждает беседу мой взгляд меж людей, посмотрите!

Мчась на друге-коне, если выпущу стрелы ресниц.
Лягут тысячи жертвой охоты моей, посмотрите.

Я счастливо живу, и ко мне благосклонна судьба,
Сколько радостных дней и веселых ночей, посмотрите.

Для влюбленного зубки любимой рубином горят,
На покои мои — не найдете светлей! — посмотрите.

Лишь один был Меджнун у Лейли — мне же нужно их сто.
Я красивей Лейли, я и станом стройней, посмотрите.

Разлученных сближаю одним только взглядом своим,
И на то, как иду, торжествуя, скорей посмотрите.

На Фурката, что в жертву мне душу и сердце принес
И страдает под гнетом тяжелых скорбей, посмотрите.

* * *

Я короной султана назвал твои косы,
Среди всяких чудес я узнал твои косы!

И душа по изгибам волны трепетала,
Я сокровищем мира считал твои косы.

Не змея ль обвивает прекрасную розу?
Я в разлуке увидеть мечтал твои косы.

Унесли мой покой эти черные брови,
Но всегда я в мечтаньях искал эти косы.

Ты наполнила мир дуновеньем муската,
И нежнейший зефир расплетал твои косы.

Но разбойники-взоры посеют смятенье,
Поражают нас тысячью жал твои косы.

Рассыпая огонь, залегли в изголовье,
Чтоб драконов я в них угадал, твои косы.

Я расправлю ресницами локон прекрасный,

Как живые цветы, я ласкал твои косы.

Станет нежный твой облик загадкой райхана,
Если ветер ночей разметал твои косы.

Шел Фуркат-дивана по дорогам разлуки,
Умирая в пустыне, шептал: «Твои косы...»

* * *

Вино пьянящее таили твои черты,
И Хызра даже опьянили твои черты.

Я стал растерянным скитальцем в долине мук,
И как пророки, скорбь сулили твои черты.

Нежнее амбры ветер страсти в твоём саду,
И сердце розы раскалили твои черты.

Пленила ты красотой Египет и гордый Рим,
И, как войска, меня громили твои черты.

В тетради страсти почерк нежный, как райхони,
Чтоб эти строки сохранили твои черты.

Как жемчуг в зеркале, сверкаешь в глазах людей,
Чтобы вовеки не забыли твои черты.

Ты, как тиран, глядишь на пытки моей любви,
Еще ль меня не погубили твои черты?

Ты птица Феникс и орлица из райских кущ,
Меня крылами осенили твои черты.

Идешь ты, как купец китайский с посольством в Рим.
Фуркату свет уже затмили твои черты.

* * *

Тиран! Зачем же грудь страдальца ты жаркой кровью обагрила?
Зачем нежданная разлука глаза слезами затопила?

Твои изменчивые взоры одно коварство обещали,
И сердце верное, о небо! ты испытаньем истомила.

Да, в школе глаз моих лишь слезы, дитя, растут, забыты светом!
Зачем же ты мои стенанья в уроки скорби превратила?

Зачем ты в мир пришла путями, где все темно и непонятно,
И почему ты в час ухода цель посещения не открыла?

И достоянье жизни бедной ты разумом своим постигла,
Увы, напрасно не надейся, чтоб смерть его не разорила...

Скажи, Фуркат, где радость мира, зачем печален виночерпий,
Ужели для великой скорби ты в дом питейный приходила?

* * *

Я твой, какую б ни была ты: добра ли, зла ли, — все равно!
Я твой. Приди. Взгляни мне в сердце. Ох, как унижено оно!

Я умолял о поцелуе. Замкнула ты свои уста.
Молчишь. Нейдешь... О боже, сколько мне ждать ответа суждено?!

Приди! Ведь я прошу немного — миг счастья, слышишь, только миг!
За то, что я всю жизнь в разлуке мученье видел лишь одно.

Главой любви Меджнун печальный был в книге жизни для Лейли.
К твоей, возлюбленная, книге мне быть главой любви дано.

Приди, дай счастье поцелуя, рубины нежных уст открой,
Влей в опечаленное сердце любви живительной вино.

О, да каких же пор Фурката презреньем будешь ты казнить?
Я гибну. Оживи мне сердце. Оно тобою сожжено.

* * *

Изгибы кос твоих — отечество влюбленных,
О, не раскидывай сетей, тобой сплетенных!

Индийский шах идет в поход с огромным войском,
И приведет с собой и пеших он, и конных.

Для крыльев Феникса не тесно ль это небо,
Для них — лучами благородства оперенных?

Пусть вносят в летопись изящества поэты
Изгибы кос твоих, над бархатом склоненных.

Они — пророки всех скорбей судьбы злосчастной,
Они для нас, как страшный суд для обреченных.

Стан кипариса в цветнике моих желаний,
Глубины глаз, чудесным светом озаренных!

Увы! Устал Фуркат: он не поднимет горя
И тяжесть кос твоих, как жемчуг ночи, темных.

* * *

Как кипарис, твой стан высок,
Что пред тобой райхан-цветок?

Ты в жизнь из тьмы ведешь меня,
Путей не ведал Хызр-пророк.

Твои слова в главе «Любовь»
Превыше всех прекрасных строк.

Пусть гиацинтовой волной
Развеет косы ветерок.

Как саламандра, твой пророк
В огне от головы до ног,

Ты солнцем вспыхнешь в небесах
И месяцем взойдешь в свой срок.

Был славен в мире Искандер,
Но славу удержать не мог,

Но воинству твоей красы
Нигде запретных нет дорог.

За добрым именем Фуркат
Идет, как дервиш, на восток.

* * *

Светлый праздник новолуния — лучший день у всех людей
Мой же праздник — лицезренье дивной красоты твоей

Тех, кто видел новый месяц, ждут, чтоб праздник начинать, —
О, яви передо мною месяцы твоих бровей!

Лишь узнал я о свиданье, побежала слез река —
Так бежит с веселой вестью шумная толпа детей.

Если хочешь ты, чтоб праздник был счастливым для меня, —
Не растягивай разлуки, встречи день назначь скорей!

Праздник кончится для многих. Но для жадных глаз моих,

Чуть они тебя завидят, будни — праздника светлей.

Не рождало время чада, равного тебе красой.
Не найдешь в наш век ребенка рассудительней, умней.

Праздник — легкий день... Но если ты меня не посетишь,
Станет праздник для Фурката самым тягостным из дней.

* * *

Богачам сообщать не надо о своей нужде.
Шаху знать какая радость о твоей нужде?

Чем друзья-приятели тебе помочь сумеют?
Не рассказывай и тем, кто рядом, о своей нужде.

Пусть надежды будут, но и шаху не завидуй,
Шах не раз перед святыми падал от своей нужды.

Благ не жди, безумец, до тебя какое дело,
Не проси у щедрости награды от своей нужды.

Чем молитвы суфия помогут? Не надейся.
Уповать на пышные тирады - в этом нет нужды.

Я мечтаю об одном: душа как утомится,
Пусть же будут средства с болью сладить — от своей нужды.

Посмотри, Фуркат, как стало на земле: достойным
Обращаться к недостойным надо от своей нужды.

* * *

Мы люди гордые: коль нас не ждут, на пир без приглашенья не придем,
Хоть в кучи бриллианты собери, нам не нужны каменья, не придем!

Как изнуренный средь пустыни слон, мы остаемся верными себе,
И к речке, что от жажды в знойный день не даст нам избавленья, не придем.

Нам древо истины дороже, в нем божественное счастье и покой,
К торговцам, от которых так давно мы жаждем избавленья, не придем!

Мед знания собираем, и о нас повсюду знают люди в Фергане,
И без разбора в каждый дом теперь, чтоб не познать гоненья, не придем.

Богатый друг, тщеславный и пустой, надменностью, быть может, оскорбит,
Но и к нему в его холодный дом на пир мы, без сомненья, не придем!

Мы люди бедные, своей судьбой, пока есть хлеб у нас, довольны мы,
Ни к Дарию, ни к Искандеру мы искать благословенья не придем.

Мечтою обращен к грядущим дням, величья в мире не искал Фуркат,
Глядим всегда вперед, покуда мы к порогу обнов ленья не придем!

* * *

Ты с лица покрывало сняла, о любимая,
Ты разлукой не делай мне зла, о любимая!

Как нарциссы, глаза расцветут на свидании,
Отчего ж ты прийти не могла, о любимая?

Если ты мне в удел назначала терпение,
То зачем ты покой отняла, о любимая?

Как мне жить тяжело этой жизнью безвольною,
Я хочу, чтобы ты поняла, о любимая!

Ты утешить могла меня лаской целебною,
Мне бы пыль от следов помогла, о любимая...

Ты пройди по садам грациозной походкою,
Чтобы роза свой лик подняла, о любимая!

Без луны и Фуркат обречен на страдание,
Ночь темна, и луна не взошла, о любимая!

* * *

В саду изящности твой облик, как розы трепетной цветок.
Я, соловей, в тебя влюбленный, слезами горькими истек.

О, сжался! К берегу свиданья скорее приведи меня,
Чтоб не увлек меня в пучину разлуки горестный поток.

Войдя в мечеть, искал я арку — твою изогнутую бровь,
Но не найдя ее в мечети, молиться богу я не смог.

К твоим устам влекусь мечтою. Друзья пьянеют от вина,
А я глотаю кровь, и горек, и сладок каждый мой глоток.

Недаром говорят в народе: «Больного встретить — заболеть».
В твоих глазах печаль увидев, и я печалью занемог.

Любовь ни в чем границ не знает. Не упрекай меня, что я,
Повесив локон твой на шею, приличьем дерзко пренебрег

Глубоко в сердце скрыты раны от беспощадных стрел любви,
Но льется гной из глаз Фурката на желтизну поблекших щек.

* * *

Ты чуть пошевелишь устами — осыпан сахаром чертог.
Чуть улыбнешься — сразу льется жемчужин искристый поток.

Как ты прекрасна! Слепнут очи от блеска красоты твоей.
Не я один пленен тобою, ты ослепила весь Восток.

Походкой царственной неспешно тыходишь в сад — и все цветы,
Став чистым золотом, стремятся лечь у твоих, богиня, ног.

Ты обещала мне свиданье. Тебя все нет. Приди скорей.
От муки сердце разорвалось. Последний час мой недалек.

Приди, не бойся. Я не смею твой стан объятьем осквернить,
Ведь даже пояс твой, распавшись, обнять твой нежный стан не смог.

О горе! Не увижу снова твое прекрасное лицо.
От слез глаза мои ослепли. Как зол мой жребий, как жесток.

Написанное кровью сердца, послал я с голубем письмо,
По, вспыхнув, сжег в полете крылья жар накаленных мукой строк.

Но что тебе! Ты пьешь с другими. И так зарделась от вина,
Как будто лепестками розы осыпан лилии цветок.

Нет для меня отрады в мире. Есть только горе. Плачь, Фуркат!
И харчевне вечности пируя, разбил амфору счастья рок!

* * *

И красной кофточке, в розовых тканях — о розы цвета! —
Ты вошла, и наряда меня обожгла красота.

Вот желанье мое, если спросишь при встрече о нем:
Да коснется волос моих милой царицы пята!»

Смею ль я пред владычицей стать и в лицо ей взглянуть?
Лишь рабам твоим правду со временем скажут уста.

И ожиданье тебя стал незрячим мой взор... Появись!
От следов твоих ног исцелится моя слепота.

Пусть пребудет твой образ в душе, в тайнике тайников, —

Вез него и душа, и судьба моя станет пуста.

Ты сгорел — о Фуркат! — на огне у проказницы злой,
И рассеяла прах твой по ветру проказница та.

* * *

Считают тонким кипарис, жасмину ль тонкость не дана?
Но по сравнению с тобой лишь ткань из роз тонка одна.

Иосиф ли прекрасен был? Нет, ты прекрасней во сто крат!
И тонкой прелестью души щедрее ты одарена.

Вращалось небо много раз, но не случилось никогда,
Чтоб столь тончайшая краса была под небом рождена.

В беседе ласковой твоей отраду черпают, покой —
Уста и голос твой нежны, а речь тонка, просветлена.

Пусть непокорен меч бровей, пусть он разит!.. Но почему
Глаза осмелилась прикрыть тончайших век голубизна?

Когда — о райский соловей! — ты залетаешь в сад земной,
Любая птица пред тобой, как галка черная, дурна.

Фуркат — твой раб... Не говорить о тяжких муках ни к чему,
Для мыслей тягостных таких ты чересчур тонка, нежна.

* * *

Пред розами щек отступила в смятении роза.
И нынче цветет лишь порою весеннею роза.

Уста и чело твои — розы. И тело — как роза...
Любой из цветов в этом дивном цветении — роза.

Средь прочих цветов нет нежнее и радостней розы,
Но бледнеет с тобою в сравнении роза!

Погибла она, посрамленная, прошлой весною,
Л нынче опять расцвела без стеснения роза!

Садовник, связав ее, влек по базарам, как вора:
Она расплатилась за все преступления, роза!

Не диво, что в тягость одежды тебе, розоликой, —
Свои лепестки чуть влачит в утомлении роза.

Тобою одною любятися все, хоть в досаде,
Пустилась, как видишь, на все ухищрения роза.

Что роза Фуркату, когда он любимой не видит?
Ведь шип розоликой тебя драгоценнее, роза!

* * *

Бутон, как бубенчик, повесил на грудь соловей,
К иным цветникам собираешься в путь, соловей?

Облекся ты в синее, может, брамином ты стал?
Гирлянду из роз повязать не забудь, соловей!

В цветенье на землю творец посылает весну,
А в листья увядшие жизнь не вдохнуть, соловей!

Влюбленный лишь тот, кто от жизни отречься сумел,
Не ты ли от розы рискнешь упорхнуть, соловей?

Болтал о любви, а приличных манер ты не знал:
На розовый куст ты присел отдохнуть, соловей!

Цветник ты покинул, неверный, и в сети попал,
Любви и свободы тебе не вернуть, соловей.

Теперь у Фурката любовным стихам поучись
И прежние песни свои позабуди, соловей!

* * *

Бутоны губ твоих и розы алых щек
Мой описать не в силах бедный слог.

Я был доверенным твоим в свиданья час, —
С тобою разлучен, я сразу занемог.

И описать, как изменяется твой лик
При каждом губ движении, не мог.

Краса твоя — цветник, и от любви к нему
Я, словно соловей, себя не уберег.

Мои соперники, как у Юсуфа Зулейха,
За красоту твою готовы дать залог.

Тоскуя по тебе, красавица моя,
Душа моя, как лист, несется без дорог.

Ты милость нищему Фуркату окажи,
Царица выдержки, чей взгляд суров и строг.

* * *

Любя, подстилкою к твоим ногам я стал,
И тенью, что летит к твоим устам, я стал.

Как солнцу совершенной красоты,
Тебе молиться по ночам я стал.

Все силы исчерпав, чтоб встретиться с тобой,
Не верить собственным глазам я стал.

Судьба мешала мне, где только ни могла, —
Искать спасения по целым дням я стал.

С тобой расстаться не имел я сил —
И клясть судьбу по временам я стал.

Услышав, как ушла к тебе душа,
Твердить: — И сердце я отдам! — я стал.

Случилось то, чего давно желал.
Идущим по твоим стопам я стал.

Разлука, как пустыня, тяжела,
Измученный, не верить снам я стал.

Сказала ты Фуркату: — Ты мой раб! —
Твоим рабом невольно сам я стал.

* * *

Где найду я в мире друга? Я живу один, как крот.
Кто печаль души узнает и тоску мою поймет?

Я рыдаю безутешно, слезы льются по лицу,
Каждый день мученья множит и крепчает жизни гнет.

Разве есть веселью место, где для радости приют?
Мне даны судьбой тревоги, мыслей яростный полет.

Мыслил я и днем и ночью, знаний хватит на двоих,
Кто меня среди ученых в светлых знаньях превзойдет?

Но простого уваженья я не видел от друзей,

Кто ж меня за эти слезы и за стоны упрекнет?

Одобренья не нашел я и напрасно я желал,
Чтобы люди оценили круг моих больших работ.

Ах, на что мне жизнь? Надежда изменила мне давно.
И нигде не мог найти я уваженье и почет.

Ведь и я стремился к людям, дружбу предлагал свою,
Но никто руки Фурката дружелюбно не возьмет.

* * *

Хорошо ли меч разлуки в грудь вонзать по рукоять
И моей душе страданья непрерывно причинять?

Ты не ведала, о пери, сожаления в любви,
Хоть глаза мои устали кровь и слезы источать.

В пытках тягостной разлуки ослабел я, изнемог,
Так что силы не осталось даже стоны исторгать.

Проливать рекою слезы — мой единственный удел.
Диво ль, если сад засохший превращу в цветник опять?

Если хоть язык единый огненной моей любви
Опалит собою горы, и горам не устоять!

Иль моим поверишь чувствам ты в тот час, когда судья
Подтвердит их на бумаге и приложит к ней печать?

Пусть глаза ослепнут, если на другую брошу взор,
Если вздумаю другую нежным именем назвать!

Пусть дотла сожгут мне сердце, пусть отрежут мне язык,
Если станет он другую пылкой песней восхвалять!

Пусть душа уйдет из тела, пусть я шагу не ступлю,
Если от порога милой отойду хотя на пядь!

Я хочу благоговейно, чуть меня покинет сон,
Как священную молитву, имя пери повторять.

О, когда настанет время, чтоб, как талисман, на грудь
Спрятал я волос душистых нежно вьющуюся прядь!

Ах, в пустыне злой разлуки сохнут губы... Но, увы! —
Ты не хочешь этой жажды влагой встречи утолять.

* * *

Я горлинкой печальной стал, я с розой милой разлучен,
С той, что стройней, чем кипарис, я злою силой разлучен!

Как будто в клетку я попал, мне в пору кровью зарыдать —
Я с той, чье платье кущи роз собой затмило, разлучен.

Пушок ее, как базилик, уста — бутон... Увы! Я с ней,
Что из жасминных лепестков одежды сшила, разлучен.

Безумен я в тоске по ней. Из-за нее — на шее цепь.
Я с той, что нравом, как Лейли, с той легкокрылой разлучен.

Во тьме разлуки плачу я и не стыжусь горючих слез —
Я с той, чья прелесть на пиру звездой светила, разлучен.

В грудь черным камнем бить себя все мало!.. Я с рубином уст,
С рядами ровных жемчугов судьбой постылой разлучен.

Желтее золота лицом я стану... Диво ли?.. Ведь я
Со серебрикой, что со мной всегда шутила, разлучен.

Я горечь вынужден терпеть... Я с той, что медом сладких слов
Жизнь безысходную мою мне б усладила, разлучен.

Поникли крылья у меня, жилищем клетка стала мне —
С родной страной из-за любви Фуркат унылый разлучен.

* * *

Не человек, достойный чести, тот, кто не знает Андижан,
Кто в странствиях своих несчетных не вспоминает Андижан.

Кто мудр, пускай быстрее взглянет глазами светлого ума:
В Коканде, господом хранимом, все затмевает Андижан.

Пройдя от Шама и до Рима свой лучезарный лунный путь,
Молва о нем гремит повсюду и прославляет Андижан.

Не растается виночерпий с вином, не ведающим дна,
Когда, пируя до рассвета, не умолкает Андижан.

Пускай уходит в степь без края тот, кто его не оценил
И, совершив плохой; поступок, смутить желает Андижан.

Пришедшие из стран далеких, не нападайте на него, —

От бога самого поддержку он получает, Андижан.

Любя Ширин своих изящных, что поражают красотой,
Таких, как ты, Фуркат, немало Фархадов знает Андижан.

* * *

Ловят жадные уши все звуки в прекрасном саду,
Соловей не поет своих песен у всех на виду.

В этот вечер разлуки открой предо мною лицо,
Целый мир освети — и я к счастью дорогу найду.

Как светильник зажженный, лачугу мою озари,
Я в разлуке с твоими кудрями узнаю беду.

Что там шепчет соперник? Кольцо ты снимаешь с руки?
Не гони меня прочь, знай, что снова к тебе я приду.

Ради жизни, скорей, виночерпий, мне чашу подай,
Я свои огорченья в хмельном позабуду чаду.

Ветер грусти дохнул в мою душу, встревожив мечты,
Из долины спокойствия ветер не веет в аду.

Я следы твои, пери Ирема, повсюду искал,
Чуть живой, о тебе я расспрашивал всех, как в бреду.

Ты щедра на упреки, на ласки ты очень скупа,
Говорила ты мне: «Никогда я в твой дом не войду».

Пахнут амброю косы твои, это — сеть, западня,
И, как бедная птица, я в цепких силках пропаду.

Обещай мне свиданье... Ты видишь, как плачет Фуркат?
Я прославлю тебя, как вечернюю в небе звезду.

* * *

Напрасно ты глаза подводишь, о черноокая, сурьмой,
И без нее тобой разрушен влюбленных юношей покой.

Бровей тугие полукружья, глаза волшебные твои,
Как будто мальчишки-индусы, лук натянув, грозят стрелой.

Безумцы разум потеряли от черноты твоих волос,
Куда ни выйдешь — шум поднимут, следя с восторгом за тобой.

О мой кумир, невыносимо тоска и боль меня гнетут —
Ты боль душе оставь, а сердце рази любовною тоской!

Земля садов благоуханье берет у локонов твоих,
В земле той для продажи ищет садовник мускус дорогой.

Откуда гордому Юсу фу постичь страданья Зулейхи,
Которая к нему стремится вей силой страсти молодой?

О сердце, впавшее в смятенье, любви своей не утаишь:
Пусть мускус скрыт, но обнаружит его по запаху любой.

Я огорчен коварством неба: невежда в роскоши живет,
А мудреца подстерегают невзгоды длинною чредой.

Кто желтым золотом пресыщен, чернее сердце у того,
Желтуха жертву угнетает в союзе с черною хандрой.

Жеманства ветреных красавиц сносить не может сластолюб,
Но вот Фуркат, несчастный, терпит их тиранию над собой.

* * *

Я в разлуке с любимой от горестных слез изнемог,
И из глаз моих крови и желчи прорвался поток.

Извиваются в церкви, чуть вспомнят волос завитки,
Пояса христиан — из веревок сплетенный шнурок.

Даже своды мечети тоскуют о сводах бровей,
Хоть считает аскет, будто страсть — это тяжкий порок.

Не брани меня, кравчий, что я от вина не хмелен.
Губ напиток хмельнее... Что мне виноградный твой сок?!

Я тяжелые слезы ронял... Это все — жемчуга
Океана любви и тоски, что бездонно глубок.

Нынче ночью меня беспокойные мучили сны —
Мне привиделось, кудри ее шевелит ветерок.

Пьет с другими она золотое вино... А Фуркат
Чашу ревности пьет, пьет кровавую чашу тревог.

* * *

Зима промчалась, и весна на землю к нам пришла.
Друзья, веселый час настал, бросайте все дела!

Рассвет идет, весенний дождь пролился с облаков,
И мгла на травы и цветы душистые легла.

Жасмин рассыпал лепестки, нарцисс открыл глаза,
И роза белая с зарей друзей в саду ждала.

И на рассвете слышал гул в пустынях и в горах,
Проснулся я, когда заря весь мир огнем зажгла.

И шелкал соловей «чах-чах» и слышалось «гуль-гуль»,
Тянулся к небу кипарис и расступилась мгла.

И соловей рыдал в тоске, припомнив листопад,
И ворот разрыбал бутон, чтоб роза ожила.

И да простят меня, что я об ирисе молчу,
Рассыпал кудри гиацинт от света и тепла.

Фуркат! Зачем повсюду честь невеждам воздают,
Зачем у мудрых в мире зла обидам нет числа?

* * *

Не придешь — и душа моя грусти полна по ночам,
Залита вся моими слезами страна по ночам.

Черноту твоей родинки вспомню, надменный твой взгляд —
И не знают глаза мои мирного сна по ночам.

Только взглянешь — и пламя очей обжигает весь мир.
Неужель тебе жалоба душ не слышна по ночам?

О владычица сердца, в разлуке, рыдая, сгораю!
Я тоскою согбен, беспощадна она по ночам.

Ты подносишь к устам на пиру цвета розы вино —
Я же горечи яд выпиваю до дна по ночам.

Только выйдешь на улицу — люди в волнении большом:
Ты им словно другая луна, что видна по ночам.

До рассвета терзается ревностью сердце мое:
Ты смеешься с другими — счастлива, юна — по ночам.

Невозможно Фуркату и днем свои стоны сдержать,
Когда смертная мука ему суждена по ночам.

* * *

Я восхищен твоей головкой, в закатный час скорей приди,
Как горлица, весь день я плачу, на зов души моей приди.

Я к твоему хожу порогу, — пришла б хоть раз ты к моему.
Коль не придешь, душа застонет, — стань милостивей к ней, приди.

Разлукой сердце угнетая, в огонь ты бросила меня.
Теперь спасай меня скорее, — хоть скрытно от людей приди.

Мои соперники, как прежде, глядят бесстыже на тебя.
Их, кто хотел тебя похитить, презрев душою всей, приди.

А если кто-нибудь и станет тебя при свете порицать, —
Лицо запрятав в тень густую, скрываясь меж ветвей, приди.

Печаль моя невыносима, боль переполнила меня,
Твои слова истоком стали страданий и скорбей, приди.

Прислушиваясь к восклицаньям, что издает в беде Фуркат, —
Приди к рабу в его жилище, стань хоть на миг добрей, приди.

* * *

К зеркале красоты твоей цветет сама весна,
Изяществом блистает стан и косы, как волна.

По лук бровей грозит бедой, открыт колчан ресниц,
Спешит охотница верхом, сверкают стремяна.

Татарский мускус, гиацинт — вот запах кос твоих,
Ты высоко в седле сидишь, как кипарис, стройна.

Ты на свидании светла, как кавсара в раю,
Разлука долгая с тобой, как смерть и ад, черна.

Жестокой, если хочешь, будь, но не гони меня,
В просторе мира без тебя и жизнь мне не нужна.

Но берегись! Моя тоска таким огнем горит,
Что все сжигает на пути, когда душа темна.

Мне сердце расколола ты на тысячу кусков,
Осколки раздробила ты, а в чем моя вина?

Где голову я преклоню, куда пойду теперь?
Несчастья следуют за мной, печалью жизнь полна.

Сбрось покрывало, ждет Фуркат, открой лицо свое,
В зеркале сердца моего ты вся отражена.

* * *

Ты ль убийцею сделала взор, что вином разогрет,
И страну обрекла на сожжение и тысячи бед?

Ты ль, явив жемчуга меж рубиновых уст, загнала
Жемчуг в раковину, где он скрылся на множество лет?

Переливы ль кораллов или жемчуг улыбки твоей
Изменяет причудливо губ твоих розовых цвет?

И не зерна ли пота заставили розу в саду
Спрятать капли росы, торопливо стирая их след?

То пушок твоих щек, или чудо воскресшей души,
Или Хызра вода, что земле посылает расцвет?

Лук ли — брови твои, а ресницы твои не стрела ль?
Но сражать без оружия ты тоже познала секрет.

И не ты ли сравнила с землей кипарисы в саду
Пальмой стройною стана, которому равного нет?

И не ты ль, что ни час, нарушаешь обеты свои?
И не я ли, Фуркат, неизменно храню свой обет?

* * *

Я от людей провинции чужой,
Как птица, выпавшая из гнезда, отбился.

Как соловей, я плачу и скорблю,
Что от цветов ее труда отбился.

Наставник мой, венец на голове,
Я от тебя — пришла беда! — отбился.

Бродя в степи, я от любви своей
Вновь, словно Анко, без следа отбился.

Бродя в песках, где полыхает зной,
Я от жилищ, где есть вода, отбился.

Я жив в сердцах, пока живет мой дух, —

Не то б от них на все года отбился.

Что делать мне? В изгнании Фуркат,
Я от покоя навсегда отбился.

* * *

Какие вынес я страданья из-за возлюбленной моей,
Ах, от ее непостоянства моя любовь еще сильнее!

Я, как Меджнун, объятый горем, на улицах рыдал в тоске,
Уже печальною легендой я стал из-за своих страстей.

И клятву ты не сохранила, и верность ты не сберегла,
Но ведь не зря поет над розой в саду несчастный соловей.

Я знал, что ты меня забудешь: ты не взглянула на меня,
А равнодушные подруги, что может быть еще страшней?

Чтобы ноги твоей коснуться, на землю прахом лягу я,
Но ей не нужно доказательств любви и верности моей.

Найду ли розу без колючек, найду ли счастье и покой?
Из-за коварства и лукавства я жил в разлуке много дней.

Какая цель была у пери? Зачем Фуркату суждено
Страдать и слезы лить в разлуке и думать день и ночь о ней?

* * *

Как ни томись, как ни безумствуй, хоть голову себе разбей, —
Не взглянешь ты. Другим ты светишь свечою прелести своей.

Подобно меду и нектару струится речь из губ твоих.
О, ты в чертоге красноречья сладкоречивый соловей!

Изящной нежностью наряда ты всех соперниц превзошла,
Казалась грубой даже роза, когда тебя сравнили с ней.

Позволь мне стать твоею жертвой. Что мне глядеть на серебро!
Твое, о чаровница, тело любого серебра белей.

Да, ты изящна и красива, и речь твоя сладка, как мед.
Но боже, боже! Нет на свете души коварней, сердца злей!

Я так любил тебя, так верил! Я все твердил: «Она придет!»
А ты не сделала и шагу к порогу хижины моей.

Постой, Фуркат! А что, коль пери не зря так зло казнит тебя?
Припомни. Может, в час недобрый ты сам нанес обиду ей?

* * *

Все для других в ней — и почтенье, и милость, и любовь, и честь.
Ах, и такое угнетенье, я вижу, у любимой есть.

Чтоб отдалить меня, находит мильоны способов она —
И даже друг для исцеленья, я вижу, у любимой есть.

Я думал, я один на свете, кого казнит она всегда, —
Но легионы для мученья, я вижу, у любимой есть.

О, сердце, не смотри отныне на дом красавицы моей, —
Различнейшие ухищренья, я вижу, у любимой есть.

Тоску испытывать в разлуке всегда велит закон любви.
Ах, и такое, без сомненья, я вижу, у любимой есть.

Не навестив меня, какую она преследовала цель?
Цель — поражать без сожаленья, я вижу, у любимой есть.

Испив до дна печальный кубок, познал секрет вина Фуркат.
Яд, что разит без промедленья, я вижу, у любимой есть.

* * *

Снизойди ко мне, о радость! И ступи на мой порог.
И да будет он украшен легкой пылью милых ног.

О Ширин, Лейли, скажите, как Меджнуну среди пустынь,
Как Фархаду плакать горько, мне еще не вышел срок?

О, пройдишь, чтоб стало стыдно куропатке! Улыбнись,
Чтоб бутон весенней розы от досады занемог!

Сбрось, о пери, покрывало, чтоб завистливый тюльпан
Гуще пятнами покрылся от сиянья нежных щек.

Если сердце днем и ночью бредит кольцами кудрей,
Не в цепях ли их душистых исцеления залог?

Пусть самшит с тобой не спорит! Срубят голову ему,
Превратят немедля в гребни, чтоб кичиться впредь не смог!

О, приди ко мне, подруга! Чтоб с тобой Фуркат весной
Посидел в тени деревьев, — там, где плещется поток.

* * *

О душа! Из-за вашей прогулки ночной я страдаю,
Вы дразнили тюльпаны своей красотой, я страдаю.

Только ворон в саду вашем дивном находит жилище,
Соловей, как бездомный, кочует весной, я страдаю.

Вот собаки твои прогоняют меня от порога,
А соперник лукавый сидит пред тобой, я страдаю.

Ногти крашены хной, эти руки нежнее тюльпана,
Бархат мускусный вьется тяжелой волной, я страдаю.

Нечестивцев зовете на пир, а меня безрассудно
Только взглядом презренья дарите порой, я страдаю.

Я еще не забыл вашу нежную ласку и милость.
Вы теперь изменились и стали иной, я страдаю.

Вы разлукой изранили бедное сердце Фурката,
Вы с другими добры и жестоки со мной, я страдаю.

* * *

Пусть счастье встречи обернется тоской, разлукой и мученьем,
За причиненные страданья я оплачу тебе смиреньем.

Всю жизнь воспитывал я душу с одной надеждой неизменной,
Чтобы тебе ее, как жертву, в дар принести с благоговеньем.

Слабеет сердце временами, недуг любви его сдает,
Пусть ложе пса у этой двери ему дарует исцеленье.

Пусть сон бежит от глаз усталых, я прахом лягу на дороге.
Меня ты воскресишь для жизни одним своим прикосновеньем.

Как мельница, кружились беды, меня страданья изнурили.
Зачем же в этот час, о боже, ты мне грозишь уничтоженьем?

В твоих глазах искать опоры — удел влюбленного скитальца,
Как посох, длинные ресницы пускай послужат утешеньем.

Пылинка с твоего порога дороже трона Фаридуна,
И даже славу Искандера теперь отвергну я с презреньем.

Но, брови гордые нахмуря, укрылась ты полой кокетства,

Возвысь меня до равных богу одним своим благоволеньем!

И стану ль я искать в богатстве спасенья от любви и горя?
Ведь счастлив я любовной мукой и каждым дорожу мгновеньем.

Молю я: сжался над Фуркатом, тогда я отойду от двери,
Чтоб ты могла к моей молитве склониться с поздним сожаленьем.

* * *

Пока веселье не промчалось, придешь ли ты?
Моя душа истосковалась... Придешь ли ты?

Я, истомленный, ждал свиданья, ловил твой взгляд,
Но ты от встречи уклонялась... Придешь ли ты?

Колышет ветер на рассвете жасминный куст,
Не ты ль к фиалкам прикасалась? Придешь ли ты?

По вечерам уносит ветер покой и сон,
Ужель над горем ты смеялась? Придешь ли ты?

Сквозь слезы я увидел степи в огне зари,
Но обо мне ты не справлялась... Придешь ли ты?

В разлуке с луноликой пери я так страдал,
Свет улетел, а тьма осталась... Придешь ли ты?

Я знаю: ветер стон Фурката к тебе принес,
Но где твоя к Фуркату жалость? Придешь ли ты?

* * *

Что я могу сказать о ней? Ушла. Пропал и след.
Когда б я мог ответить «да», не говорил бы «нет».

Ушла и сердце унесла влюбленное мое.
Что с ним?.. Известий нет о нем давно, — уж много лет.

Сберечь рассудок, устоять никто пред ней не мог —
Ни юноша в расцвете сил, ни сгорбленный аскет.

Сто раз пред нею умирай, рыдай, клянись в любви —
Пройдет, покачивая стан, и — хоть бы взгляд в ответ!

Богатство может, слышал я, красавицу привлечь.
Но кто видал, чтоб вместе шли богатство и поэт?!

Я все испробовал, стремясь ее увидеть вновь,
Но, видно, на свиданье с ней положен мне запрет.

Теперь удел Фурката — ночь без края, без конца.
Теперь уж никогда пред ним не заблестит рассвет!

* * *

Свой цвет утратит хна, ведь краски вечной нет,
Есть пылкая любовь, но бесконечной нет.

Твоею красотой пленен подлунный мир,
Ни у кого такой тоски сердечной нет!

Но кто из мусульман поверит ей теперь?
Ведь верности на грош в душе беспечной нет!

Соперникам вослед бросай лукавый взгляд,
Но смысла у любви у быстротечной нет.

Кокеткам ли понять, чему учил Платон?
Ни верной среди них, ни безупречной нет.

Глядит по сторонам, уходит от меня,
У той, что неверна, тоски сердечной нет.

Кокетки наших дней... Беги от них, Фуркат!
Ведь верности на грош в душе беспечной нет!

* * *

Я с наездницей искусной разлучен судьбою злой,
Ты не слышишь, сердце, стонов. Как истерзан я тоской!

Не осталось даже пыли от меня в краю любви,
И не стать ей для Медждуна животворной тутией.

Плачу я, усталый, желтый. Слезы алы, точно кровь.
Не расцвел я или вяну — угадать нельзя порой.

Л когда от мук любовных оборвется жизнь моя,
Холмик мой не камышами, зарастет любви травой.

О Фуркат, как пес заблудший, я не знаю, где мой путь.
О возлюбленной жду вести, о своей земле родной.

* * *

Разве может верность от любимых появиться — вздор,
Тех, чьи волосы душисты, словно розы лица — вздор.

Можно ль помощь ждать от приятелей-друзей,
От врага тем более сочувствия добиться — вздор.

Если каждую минуту угнетает взгляд жестокой,
Можно ль отыскать в нем радости частицу — вздор.

Не питай надежд на чудное лекарство,
Не мечтай от губ любимой исцелиться — вздор.

Как бедняк копейку ищет, день и ночь страдая,
Поцелуя разве можешь ты добиться — вздор.

Сохранится ли стекло от руки каменотеса, —
Так и в сердце каменном милость не родится вздор.

От безнравственных добра и милости не жди,
Благочестьем ли своим развратнику кичиться — вздор.

Проку нет, Фуркат, на современников не сетуй,
Есть ли верность там, вероломство где таится, — вздор.

* * *

Красавица! Моя душа в огне любви сгорела,
Нерадостна моя судьба и скорби нет предела.

От искры гнева твоего зажжется пламень ада,
Зачтутся ль мне страданий дни? Я жил, как ты велела.

Роса украсила твой лик, застенчивая роза,
Когда весенняя заря на небесах зардела.

Вдруг стало зеркало рекой: волной струились косы,
Когда ты в зеркало свое случайно поглядела.

И коль холодное стекло так чудно изменилось,
Отдать всю душу за тебя не доброе ли дело?

Не заставляй меня рыдать и сжался надо мною,
Наполнить мир рекою слез душа моя хотела.

Согласен я: убей меня своим кокетством... Пери
Тугую петлю нежных кос на шею мне надела.

Конь верности оседлан был... Скачи страною сердца,

И юность за тобою вслед, как птица, пролетела.

Для избавленья от обид не нужно промедленья,
От злого дела уклонясь, добро творите смело.

Царица в мире красоты, ты спросишь о Фуркате?
К измученному взор склонить не доброе ли дело?

* * *

Черны ресницы от сурьмы, рука от яркой хны — тюльпан,
Дугою брови от усьмы, пылают щеки от румян.

Стеснен объятями платка ее высокий, нежный лоб,
Горит пурпуровый камзол на платье, рыжем, как шафран.

Сияет перстень золотой на каждом пальце тонких рук,
И чанг серебряный в зубах, подобных перлам южных стран.

Сверкают серьги на ушах молочным блеском жемчугов,
Глядят сквозь черноту кудрей, как утро сквозь ночной туман.

Полна изысканных причуд, умна, коварна и нежна.
Качанье круглых плеч ее — для сердца сладостный дурман.

О беспощадный лук бровей, о стрелы черные ресниц!
Стоит, идет ли, иль сидит — как безупречен гибкий стан!

То мир меж нами, то война, и оттого безумен я,
Любовь моя — то злой недуг, то исцеление от ран.

Как много претерпел Фуркат несправедливых, злых обид!
Беднягу мучила она, как франк не мучил мусульман.

* * *

Кто дал тебе такое право со мной жестоко поступать?
Казнить влюбленного страданьем и равнодушием терзать?

Ты милостива с чужеземцем, с тем, кто родился далеко,
Ведь мы живем в одном квартале, а ты меня не хочешь знать.

Твое лицо светлее розы и губы терпки, как вино,
Позеленел я от страданий, и долго ль мне еще страдать?

Привыкла ты меня не видеть, и потерялся я в толпе,
Я слышу: ты ведешь беседу, а мне не хочешь отвечать.

Ты грациозно, словно пава, по цветнику с прогулки шла,
Зачем же нежные нарциссы ногами гордо попирать?

В ответ на все мои моления я слышал только: ты — мой раб!
Как ты могла жестокой мукой раба за верность наказать?

Учила гневу и презрению наставница моей души,
Увы, урок непостоянства ты не устанешь повторять.

Пускай сожжет огонь ревнивый то сердце, что летит к тебе,
Чужие сделались друзьями - меня ты гонишь прочь опять.

И даже при случайной встрече Фурката не узнаешь ты,
И даже мукой и позором меня ты будешь попрекать.

МАСНАВИ

О науке

О юные друзья! Я обращаюсь к вам,
Внемлите вы моим отеческим словам.

Науке посвящу я этот свой рассказ,
Она — бессмертия и бытия алмаз.

Великий шах земли, державный Искандер,
Вселенную делил на семь обширных сфер.

Подвластен шаху был простор земель и вод,
Для шаха юртою был звездный небосвод.

Заполнили весь мир ряды его полков,
Со всех краев земли собрал он мудрецов.

Преданье говорит, что эти мудрецы,
Блистательных наук искусные творцы,

Стараясь угодить владыке своему,
Волшебное стекло изобрели ему.

В стекле волшебном том весь отражался мир,
Под солнечным лучом переливался мир.

И край земли любой, как бы он ни был мал,
Мгновенно в зеркале пред шахом представал.

Но если и сумел великий Искандер,

Увидеть в зеркале семь необъятных сфер,

То слышать он не мог все голоса земли,
Об этом и мечтать в то время не могли.

О юноши! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке, волшебство.

Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.

Премудрые умы, мечтам народа вняв,
Построили в стране чудесный телеграф,

И если по нему известие дано,
То путь трехмесячный в час пролетит оно.

Чтоб о событиях обширнейшей земли,
Где бы ни жили мы, всегда узнать могли,

Чтоб с дальним Западом заговорил Восток,
Чтобы на Юге ты услышать Север мог,

Чтоб мог поговорить с далекою Москвой.
Любой ташкентец наш, согражданин любой, —

Ученые умы воздвигли телеграф,
И славлю я его, удел певца избрав.

О юноши! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неоценимый свет.

Изобретениям науки нет числа,
Нам их великая Россия принесла.

Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев.

Осведомленным стань во всех науках, друг,
И каждая из них понадобится вдруг.

Когда же станешь ты и светел, и богат, -
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

О выставке в городе Ташкенте

I

Был сентябрь... Восемьсот девяностый год.
Отовсюду на выставку ехал народ.

Довелось эту выставку видеть и нам.
Все, что есть в нашем крае, представлено там.

Там на зависть Ирему раскинулся сад —
Душу радует чистый его аромат.

Животворной, прозрачной водой орошен,
Густолиственный, манит прохладой он.

Вдоль аллея ароматные розы в цвету,
Соловьи славят нежную их красоту.

Павильоны прекрасны! Объезди весь свет —
Скажешь сам, что подобных, что равных им нет

Да! Тому, кто красотой этой смог пренебречь,
Будет душу раскаянье горькое жечь.

Собралось тут немало людей деловых.
Расстоянье не стало преградой для них.

Все они, чтоб от выставки польза была,
Привезли образцы своего ремесла.

Самарканд, Бухара... Нет, немыслимо счесть
Городов, чьи товары представлены здесь,

Мастеров, чьи изделия заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд.

Пусть же выставку эту во многих местах
Славят мудрые люди на всех языках.

Пусть повсюду в газетах напишут о том,
Как почетно, как ценно владеть ремеслом,

Чтобы добрая слава людей ремесла
Прогремела повсюду, стократ возросла.

Пусть придут в этот сад мастера для того,
Чтоб упрочить, расширить свое мастерство.

Много ценных изделий, представленных тут,
Несомненно их разум и взор привлекут.

Для того, кто пытливым умом наделен,
Для того, кто к науке душой устремлен,

Эта выставка — кладезь. Увидев ее,
Обновит и умножит он знание свое.

Он войдет и осмотрит здесь все неспеша,
Потому что здесь каждая вещь хороша!

Вот, искусно вплетая в основу уток,
Привлекает наш взгляд шелкоткацкий станок.

Вот создание мудрости, гордый колосс —
Обгоняющий ветер стальной паровоз.

Здесь орудье сверкает могучим стволом
И широким, двенадцати дюймов, жерлом.

Там — огромный колокол — чудо чудес.
Подойдя, мы спросили, каков его вес.

Нам сказали: «Пятьсот шестьдесят один пуд,
А когда в этот бронзовый колокол бьют —

Звук его, мелодичный, торжественный звук,
Слышен людям на многие версты вокруг».

Вот — отличный станок для .распилки досок,
Облегчает труд плотника этот станок.

Он удобен и прост, сделан прочно, навек,
Им легко управляет один человек.

Поглядите! Минута еще не прошла,
А уж доскам напиленным нету числа!

Здесь, дивясь мастерству всех народов и стран,
Восхищались мы также трудом мусульман.

Вот хотя бы отливка чугунных котлов —
Заслужила немало восторженных слов.

Да! Чудесные вещи заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд...

Привлекла эта выставка многих людей —
Мастеров, изошренных в работе своей.

Собрались они вместе на дружный совет.
Разум каждого — светоча яркого свет!

Знания каждого — редких алмазов гора!
Были также и русские тут мастера.

Говорили: «Прославлен не зря Туркестан.
Выше всяких похвал мастерство мусульман!»

О выставке в городе Ташкенте

II

Я выставку осматривал три дня,
Здесь удивило многое меня.

Тот вкус, что каждому дала природа,
Успешно заменял экскурсовода.

Сначала я осматривал дары
Счастливой, благодатной Бухары.

Я видел множество предметов ратных,
Для сердца мне особенно приятных.

Блистали шлемы, стрелы и щиты,
Кольчуги несказанной красоты.

И сабля исфаганская блистала,
И сабля ардаванского металла.

Я любовался, может, больше часа
Вещами из адраса и атласа.

Я любовался бархатом, парчою,
Блестевшей вышивкою золотою.

Потом в ургенчском видел я отделе
Немало удивительных изделий:

Ковры и ткани, горы белой пряжи,
Арбу большую, полную поклажи.

Залюбовался я ткачом умелым —
На выставке он занимался делом.

Потом пошел я в тот конец, откуда
Услышал крик осла и рев верблюда.

Храпели кони, ржали кобылицы,
Глядели — не могли мы надивиться.

Кашгарский конь, чей рост два с лишним гяза,
Был радостью для сердца и для глаза.

Коня торгуя, публика кричала.
Сто пятьдесят рублей давали... Мало!

Я видел лошадь русского завода.
В ней чувствовалась сила и порода.

И жеребцы и матки продавались,
Вокруг купцы толкались, торговались.

Здесь были кони пегие, гнедые,
Каурые, седые, вороные.

Есть на земле коней немало царских —
И русских, и текинских, и бухарских.

Ослы здесь были и тяжеловозы,
Бараны и диковинные козы.

И в виде чучел барсы и медведи
Стояли здесь, как добрые соседи.

Лиса была такая, что сперва я
На чучело сказал: «Лиса живая!»

Я видел уток чинных, цапель длинных,
Фазанов, куропаток и павлинов.

И попугаи с горlinkами вместе
Сидели за решеткой на насесте.

Здесь был обыкновенный серый сокол
И белый сокол — гость земли далекой.

Мы и борзыми восхищались, глядя
На уши их, длиною больше пяди.

И тонконоги, как в горах газели,
На нас из клеток гончие глазели.

Хоть мой рассказ и краток и невнятен,
Но умным людям и такой понятен.

Коль осенит язык мой вдохновенье,
В газете вы прочтете продолженье.

О выставке в городе Ташкенте

III

Да будет пищею для вдохновенья
Все то, что увидел на третий день я.

Немало здесь диковин я увидел,
Неведомых штукovin я увидел.

Из тех вещей, что открывались глазу,
Про большинство я не слыхал ни разу.

Здесь побывало мудрецов немало,
Но многое и мудрых удивляло.

На белом свете не хватило б злата,
Чтоб все купить, чем выставка богата.

Здесь были, например, два фонаря,,
Горевшие, как яркая заря.

Светильники, что не нуждались в масле,
По мановенью проволоки гасли.

И свет их был отличен от дневного:
Был ярче он и цвета был иного.

Чудесный свет — могли бы мы сказать —
Уму изобретателя под стать.

Один фонарь считали тульским газом
С искусно скрытым дорогим алмазом.

Иные говорили: «Это медь,
Что порохом сумели натереть!»

А мне казалось — может, я не прав, —
Что это — тот же самый телеграф.

Что по столбам откуда-то сюда

Стальные протянули провода,

Чтобы по ним пороховая сила
Пришла б сюда и лампы засветила.

Но чем бы это ни было явление,
Кусали руки все от удивленья

И говорили так: «Изобретенье
Достойно восхищенья, одобренья».

Теперь, встречаясь, — двое или трое, —
О выставке толкуют меж собою.

Смотрели б год, и то б не надоело.
Могуществу людскому нет предела.

Да будет — дай мне, небо, вдохновенье —
У моего рассказа продолженье!

Гимназия

Был приглашен достойным я лицом
В гимназию и вот пишу о том.

То не гимназия — сплошной цветник,
Расхаживают юноши кругом.

От них исходит тонкий аромат,
Взлелеянный учености цветком.

Наука жажду утоляет их,
Любуюсь каждым я учеником.

Вот класс, где учат греческий язык, —
Латинский изучается в другом.

Четвертый также был заполнен класс —
Все заняты немецким языком.

Другие кабинеты видел я,
Названья их я позабыл потом.

Вот бьет двенадцать, полдень наступил —
Об этом нам напомнил пушки гром.

Пора обедать, кушанья несут,

И юноши расселись за столом.

Платона имя называют здесь,
Заслуженно слывет он мудрецом.

Учителей учений не найти,
Умеют знания передать притом.

Не удивлюсь, когда наука их
Джамшида чаши явится творцом.

В физический заходим кабинет
И все о телеграфе узнаем.

Течет по меди ток, что порожден
Вертящимся стеклянным колесом.

Глядишь — и разбегаются глаза:
Здесь чудо скрыто в опыте любом.

Хотя приборы и без языка,
Но о Платоне в каждом весть найдем.

Всему дивясь, благодарили мы
Хозяев за оказанный прием.

Как жаль, что наши ханы, беки встарь
О наслажденье думали одним,

Людей достойных гнали от себя,
С невеждою дружили и глупцом,

Ученых не умели уважать,
Им не хотели следовать ни в чем!

Лишь только рухнет власть таких невежд —
И челядь завладеет их добром.

Мудрец бы стал опорой власти их,
Когда б они склонились пред умом.

Я говорю: подобна птице власть,
Пусть наука будет ей силком.

Пора кончать, не надо лишних слов,
Поведать невозможно обо всем.

Здесь много важного Фуркат познал,

Он рад знакомству с этим цветником.

Заседание в актовом зале

Сегодня с вами поведу я речь
О том, что в памяти я смог сберечь.

Для публики перо мое опять
Готово о гимназии писать.

Я был на заседании одном,
Обычай русский отразился в нем.

Мужской гимназии просторный зал
Мне настоящий сад напоминал:

Из свежей зелени его наряд,
Цветов букеты по углам стоят.

А стульев там и взором не объять,
Казалось, их нельзя пересчитать.

Зеленый, с переливом, матерьял,
Как бархат, все сиденья покрывал.

Вот юноши опрятные вошли,
Что стройными цветами тут росли.

Отцы выпускников уселись в ряд,
Их матери-страдалицы сидят.

Немало было и других гостей,
Таких ученых, как Платон, мужей.

Чиновники различные вокруг —
Всех описать их просто недосуг.

Себе тут каждый выбирает стул,
И замолкает разговоров гул.

А гимназисты на своих местах
Подобны ярким звездам в небесах.

Учителя с поклонами вошли,
В кругу гостей им место отвели.

Один учитель начал свой доклад,

Не тезисы — законченный трактат.

Оратор этот, увлекая зал,
Историю народов освещал.

Особенно понятным был для нас
Об Искандере Македонском сказ,

Как Искандер в наш Туркестан попал,
Зачем пришел, что делал, где бывал.

Когда учитель кончил, то второй
Нам прочитал доклад научный свой.

А после благодарность получил
Тот, кто учился, не жалея сил.

Другой за грамотой идет к столу,
В ней — что ни буква — видим похвалу.

Выходят юноши, и каждый рад:
Им зрелости вручают аттестат.

Вознаградить усердие не жаль:
Двум золотую выдали медаль.

И музыка чудесная гремит,
Веселье, бодрость всем она дарит.

Сердца людские, музыка, плени!
Все радостны, как в праздничные дни.

Ведь эти дети к знанию пришли,
Высокие порывы обрели.

На заседании и стар и мал
Восторг свой откровенно выражал.

Представлен мусульманский наш народ
Был там учеными людьми — и вот

Внимательность не покидала лиц,
Не знало восхищение границ.

Учителей заслуги немалы,
Их методы достойны похвалы.

Хорош обычай и хорош закон,

Старание удваивает он.

Слова сказал я эти потому,
Что хочется учиться самому.

Науку ценит высоко народ,
Неудержим высокой мысли взлет.

С наукой кто знакомство заведет,
Познает уваженье и почет.

Что б ты ни делал, знай: всегда, везде
Наука — облегчение в труде.

Науки свет — ей должное воздам —
Сердца облагораживает нам.

Когда идешь ты с факелом в руках,
Тебе неведом и во мраке страх.

Фуркату, боже, темные пути
Светильником науки освети!

О музыкальном собрании, состоявшемся в городе Ташкенте

О златоусты средь красноречивых,
Бесценный жемчуг в море свойств счастливых,

О скачущие по тропе науки
Мужи, чьи кони — знания и звуки,

Я вам мечтаю бусы подарить:
В них рифмы — бусинки, рассказ мой — нить.

Итак, я свой рассказ начать могу ли?..
Год девяностый; первый день в июле.

По русской части города-столицы
Я вышел погулять, чтоб освежиться.

Большое зданье средь высоких зданий —
Для русских место празднеств и собраний.

В тот вечер было людно в зданье этом,
Я взял билет и в зал прошел с билетом.

Увидел я великолепье зала,

Где все огнями яркими блистало.

Оглядывал я восхищенным взором
И фонари, и занавес с узором.

Мне зал казался освещенным садом,
Там стулья разместились ряд за рядом.

Те ближе, эти далее от сцены
(Здесь на места различны были цены).

Рассаживались дамы и мужчины.
Вперед шла знать, назад — простолюдины.

Здесь, кроме русских, были иностранцы:
Мне встретились французы и германцы.

Нетерпеливо ждали все начала,
Свободных мест совсем уже не стало.

Артист с одной артисткою вначале
Пред зрителями спели и сыграли.

Они ушли, и вышла к нам певица.
О, как была она прекраснолица!

Глядели мы, глазам своим не веря,
Она была прекраснее, чем пери.

Она была одета в голубое,
Она листок держала пред собою.

Два музыканта петь ей помогали:
Играли на гитаре и рояле.

И пенье, и его сопровожденье —
Все людям приносило наслажденье.

И после отделило лишь мгновенье
Звук музыки от грома восхищенья.

Я поглядел налево и направо —
Все хлопали, кричали громко «браво».

Певица улыбнулась, поклонилась,
И будто бы звезда за тучи скрылась.

Но вскоре, повинуясь воле зала,

Пред зрителями вновь она предстала.

И снова к людям песнь ее летела,
И вновь восторгу не было предела.

Потом певец зачаровал нас песней.
Он пел не соловьем — еще чудесней.

Мы все и это сказочное пенье
Вознаградили громом восхищенья.

Но вскоре снова все затихло в зале,
Две женщины пред нами выступали:

Одна запела песню, а другая
Склонилась над роялем, в лад играя.

От чудных звуков люди замирали
И забывали про свои печали.

Но вскоре отделил нас от актеров
Шелк занавеса с множеством узоров.

Был перерыв, а после перерыва
Все по местам расселись торопливо.

И только занавес успел подняться —
На сцену вышло девушек пятнадцать.

И замер зал от чудных звуков хора,
Послушного движеньям дирижера.

То опускали головы певицы,
То шейки вверх тянули, словно птицы.

Их голосов божественная сила
Сердца всех, кто их слушал, покорила.

И, пораженный мастерством великим,
Окаменел и стал я безъязыким.

Подобного я не слышал доселе.
Восторг и радость мною овладели.

Хотелось мне рвануться к музыкантам,
Хотелось крикнуть: «Слава их талантам!»

Одиннадцать часов: ушли певицы,

С концерта люди стали расходиться.

Но, как во сне, очнулся я не разом,
Казалось мне — меня покинул разум.

Я шел, как пьяный, в тишине и думал:
«Прийти в себя скорей бы мне!» — я думал.

Я в эту ночь, признаюсь вам, о братья,
Не спал: не мог с собою совладать я.

Все, что я видел, мне б увидеть снова! —
Нет у меня желания иного.

В концертном зале

Друзья, внимание! Звукам путь открыт.
Перо мое, как флейта, зазвучит.

О музыке поговорить хочу,
Напевов сладость восхвалить хочу.

О музыкальном вечере я вам
Стихами впечатленье передам.

И прежде на спектаклях я бывал,
О них отчет в газетах вам давал.

О двух вам представленьях рассказал:
Ходил в театр я и в концертный зал.

Потом не раз мне было суждено
Пить музыки чудесное вино.

Иной строй песен русскими любим,
Другие инструменты служат им,

Вот музыканты сели дружно в круг,
У инструментов — свой особый звук.

Я с увлеченьем за игрой следил,
Я с наслажденьем за игрой следил.

Немало музыки у мусульман —
Гиджак, танбур, ситар известны нам,

Дутар имеем, есть канун и руд,

Рубаб и дойра, чанг и флейта, уд.

На разный лад звучит одна струна,
Различны инструментов имена.

Но музыку, приходится признать,
Еще мы не умеем изучать.

До совершенства коль она дойдет,
То птицы остановят свой полет,

Заслушаются ею ветерки,
Забудут прогуляться у реки,

И соловья и горлинку в саду
В смятенье эти звуки приведут.

Текут напевы, весело журча,
Серебряными струями ключа,

Подобно камушкам на дне, звенят,
В прохладной, светлой глубине звенят.

Другие схожи с ласковой волной
На море под небесной синевой.

То нежно улыбается волна,
То зашумит, нахмурится она.

Вот так и песня: то ласкает нас,
То в размышленья погружает нас.

Все в звуки исполнитель перельет —
И что он чувствует и чем живет.

Бывает, горе угнетает нас,
Бывает, радость оживляет нас,

Иной, бывает, мечется в беде,
Вся жизнь его — в безрадостном труде.

Он стонет под ударом неудач,
И слышатся его проклятья, плач.

У одного в душе царит печаль,
И, как болезнь, его томит печаль.

Другой же слишком радостен порой,

Вполне доволен он своей судьбой.

Иной познал огонь в крови своей,
Поведать хочет о любви своей.

Способно все искусство передать,
Любое может чувство передать.

И музыкант расскажет обо всем
Родным ему мелодий языком.

А слушателя музыкальный ритм
Великим наслаждением одарит.

Я сам однажды это испытал,
Достоинства рояля я познал.

Брала аккорды девушка одна,
И к богу песнь была обращена.

Я слушал песню: у небесных сил
Печальный голос милости просил,

Звучал то громко, потрясая зал,
То, плавно опускаясь, затихал,

То он, рыдая, флейтою стонал,
То он мотив «Наво» напоминал.

Меня напев девичий поразил,
Как будто в печень пулю кто вонзил.

Как потрясен был этой песней я!
Взметнулось сердце, как Аму-Дарья.

Быть камнем твердым сердцу не дано
Смягчилось и растаяло оно.

От горя тяжкого я сам поник
И оросил слезами воротник.

Артистки сердце мне открыл рояль —
Ее надежды, радость и печаль.

Душа стремится на концерт опять,
Чтоб музыке той девушки внимать.

Еще бы хоть немножко там побыть,

Еще бы наслаждение продлить!

Как были те созвучья хороши!
И мне без них, как телу без души.

Фуркат, надейся: может, наш народ,
Как я, прослушать музыку придет.

Теперь конец, остановись, Фуркат,
Уж коль меня болезни пощадят,

Об этих представлениях я вам
Отчет в газете непременно дам.

Суворов

*(О спектакле, шедшем 5 октября 1890 года
в Ташкентском городском театре)*

Эй, музыкант, начни играть для нас,
На ратный лад настрой звенящий саз,

Где быстро заиграй, где неспеша.
Чтоб веселилась зрителей душа.

Спектакль про полководца-храбреца
Прекрасен от начала до конца.

Чем славен он, как жил давным-давно,
Все это здесь сполна отражено.

* * *

Суворов был прославленный навек
Военный вождь, великий человек.

Бесстрашный, он в течение ряда лет
Войска России вел тропой побед.

Испытанный знаток военных дел.
Он много знал, во многом преуспел.

Но вот Екатеринин век прошел —
Сел император Павел на престол.

Издав свои законы новый царь —
Все по-иному, все не так, как встарь.

Узнал Суворов о таких делах,
Увидел эти новшества в полках

И гневно произнес, царю в укор:
«Помилуй бог, все эти штуки — вздор!»

Когда дошла до Павла эта речь,
Он был не в силах ею пренебречь.

Тотчас велел Суворова позвать
И так сказал: «Ты смеешь осуждать

Мои порядки и законы? Что ж!
Уйди в отставку, если я негож».

Ушел Суворов. Воин и герой
В деревню удалился на покой.

Жил скудно, к земледелию привык,
Ходил за плугом, как простой мужик.

Порой, собрав вокруг себя ребят,
Он обучал их, как своих солдат.

Вручив им палки, трость, как шпагу, взяв,
Он объяснил им воинский устав:

Как строй равнять и как в бою с врагом
Разить прикладом и колоть штыком,

Но и тогда, в глуши изгнания, он
О всех событиях был осведомлен.

Так время шло. Так он в деревне жил.
Был скромн, прост. С крестьянами дружил,

В ту пору всю планету вдоль и вширь
Потряс один могучий богатырь.

Он был француз, но храбрый, как орел, —
Сиял над ним успеха ореол.

Тот богатырь звался Наполеон,
Прославился во многих битвах он,

Пошел войной на Австрию, на Рим —
Склонилась вся Европа перед ним:

Австрийский царь испуган был весьма
И сел за составление письма.

Просил поддержки русского царя,
Чтоб вместе обуздать богатыря.

Все описал подробно до конца,
Послал в Россию верного гонца.

В хороший ясный день, в счастливый час
Дошло его письмо до царских глаз.

Он так писал: «О царь племен, о тот,
Чья мощь для всех обиженных — оплот!

Снимите с наших душ печали груз,
Идет на нас войной один француз.

Хоть он не царь, но силою своей
Стал выше многих на земле царей.

Подобной мощи мир еще не знал.
Пред ним бы и Рустам не устоял.

Он может разгромить дотла сейчас
Не только итальянцев, но и нас.

Надежда лишь на вас, о царь царей,
Направьте к нам Суворова скорей!

Увенчан славой, в битвах закален,
Пусть оба войска возглавляет он».

Как только русский царь письмо прочел,
Он тотчас взял перо и сел за стол.

Обиды старой вспоминать не стал,
Приятное посланье написал.

Поставил подпись, приложил печать,
Велел гонцу к Суворову скакать.

Гонец, явившись к полководцу в дом,
Отдал поклон, как должно, а потом

Промолвил внятно: «Я царев слуга,
Как честь, мне эта дружба дорога.

Царь вам посланье ласковое шлет, —
Вас снова ждут награды и почет».

Суворов, помолчав, ответил так:
«Не мне посланье. Я простой бедняк.

Теперь уже не тот Суворов я:
В деревне жить теперь судьба моя.

Я слабый и беспомощный старик,
От службы ратной я давно отвык».

Гонец сказал: «Нет, нет! Посланье —
Прошу прочесть и внять его словам!»

Суворов больше возражать не стал,
Взял наконец посланье, прочитал.

Увидел, что действительно оно
Полно похвал, приятных слов полно.

Обрадовалось сердце старика,
Рассеялась печаль, ушла тоска.

С деревней в тот же час простился он
К царю на службу возвратился он.

На службе много получил щедрот,
Стал жить в довольстве, заслужил почет.

Возглавил он российские войска,
Возглавил он австрийские войска,

Составил для себя сраженья план,
Отправился освобождать Милан.

Повел войска дорогою прямой,
Чтоб дать французам беспощадный бой.

Повел он на французские полки
России, Рима, Австрии штыки.

И грянул бой — ужасный до того,
Что нету слов, чтоб описать его!

Французы долго биться не могли,
Бежать пустились, прахом полегли.

Освободился от врагов Милан,
Вернулась радость в души горожан.

Вошел в Милан прославленный герой,
Расположился с войском на постой.

В те дни одна маркиза там жила.
Была она прекрасна, весела.

Весь город преклонялся перед ней.
Она пленяла даже королей.

Как драгоценный яхонт в руднике,
Жила она в своем особняке.

И вот маркизе говорят о том,
Что сам Суворов к ней приедет в дом.

Узнав такую радостную весть,
И веря и не веря в эту честь,

Весь этот день у своего окна,
Шепча: «Не может быть!», ждала она.

«Он едет, едет!» — закричала вдруг
Толпа стоявших возле дома слуг.

И вышел из кареты золотой
Суворов. Но Суворов подставной.

В мундир Суворова парадный облачен
Был человек похожий, но не он.

А сам Суворов в сюртуке простом
Пешком пришел к маркизе знатной в дом.

Маркиза стоя встретила его,
Почтительно приветила его.

Суворов поклонился в свой черед,
Спросил: здорова ли и как живет,

Друг другу по душе они пришлись,
Приятным разговором занялись.

И к радости взаимной под конец
Признались в нежной склонности сердец.

Светился лаской чаровницы взор,
Приятный продолжался разговор.

Она сказала: «В сюртуке простом,
Как скромный гость, вы шли ко мне пешком,

И в тот же час в карете золотой,
Я знаю, ехал человек другой.

Осанкой и лицом похож на вас,
Он стал для всех Суворовым на час.

Сказали вы: «Похвал и славы мед
Пусть за меня другой сегодня пьет».

Тут подошли, прервав беседу их,
Три женщины в нарядах дорогих.

Заговорили с ним о том о сем,
Хвалили за победу над врагом,

Сказали: «Каждый день и каждый час
В сердцах своих мы будем славить вас!»

Гостями окружен со всех сторон,
Суворов был смущен и оглушен.

Меж тем маркиза, отойдя к другим,
С улыбкой тихой любовалась им.

Тут кем-то тайный подан был сигнал,
И гости разошлись, покинув зал.

Когда ж Суворов к спальне сделал шаг,
Пал занавес, объявлен был антракт.

Так летопись далеких дней былых
Прошла пред нами в обликах живых.

О значении поэта и возвышенности поэзии

Делам поэта и его словам
В рассказе этом должное воздам.

Все ценное, что украшает свет,
В стихах прекрасных рад воспеть поэт.

Увидев на пути красивый дом
Иль сад с прозрачным, как стекло, прудом,

Увидев степь без края, чем простор
Смягчает душу и ласкает взор,

Иль с мудрым мужем встретившись в пути, -
Бесстрастно можно ль мимо них пройти?!

Недобрым словом можно ль вспомнить? Нет!
Хорошему всем сердцем рад поэт.

Вот Саади. Немало лет подряд
Он ездил, жаждой знания объят.

Поэт во многих странах побывал,
Повсюду становился на привал

И после рассказал в своих трудах
Про все, что видел в разных городах.

Обрисовал обычаи племен,
Их веру, их порядки, их закон:

О том — стихами, прозой — о другом,
И незнакомый мир нам стал знаком.

Но все ль поэты таковы у нас?
У всех ли должный знания запас?

Взять хоть иных ферганских. До сих пор
У них, признаться, узок кругозор.

Сидят в своих домах, своих садах,
Не побывали в русских городах.

Не знают, как там трудится народ,
Чем знаменит он, что он создает.

А там как раз чудесного не счесть.
Там вдохновенью много пищи есть!..

Мы видим совершенство мастерства —
Когда в стихах на месте все слова.

Фирдоуси, Хафиз и Саади,
Чьи имена всегда храним в груди,

Прекрасных много слов произнесли,
Став знаменем поэтов всей земли.

Вот в «Шах-намэ», описывая бой,
Фирдоуси придумал бейт такой:

«Помчались так врагу наперерез,
Что стало шесть земель и семь небес!»

Изящный бейт! Чтоб написать его,
Отточенное нужно мастерство...

Поэт всегда в раздумье погружен,
В каком бы состоянье ни был он —

И в час, когда душа его светла,
И в час, когда тоска на грудь легла,

Он ищет слов созвучных, слов таких,
Чтоб все, что есть в душе, звучало в них.

Найдет слова, напишет, перечтет,
Потом на суд народа отдает.

МУХАММАСЫ И МУСАДДАСЫ

Никто не знает

Никто не знает, что стряслось над бедняком, блуждаю я,
Домой попасть я не могу, скорбя о том, блуждаю я.
В тоске по родине своей в краю чужом блуждаю я,
Как чужестранец, потеряв отцовский дом, блуждаю я.
Как дикий голубь, разлучен с родным гнездом, блуждаю я.

Иная горесть в голове надежно место заняла,
Иная скорбь в моей душе себе убежище нашла,
И, как в мишень, мне в грудь всегда нацелена судьбы стрела,
Что только с виду я живой, толпа постигнуть не смогла,
В разладе тело и душа, и, как фантом, блуждаю я.

Вдали от близких и друзей один скитаюсь потому,
В печали горькою слезой я умываюсь потому,
Живу в тревоге и всему я удивляюсь потому,
Расстроен, болен, одинок, всегда теряюсь потому,
Что с чудотворным разлучен твоим лицом, блуждаю я.

Несчастный, в пери я влюблен, она красива и нежна,
Растерзан я, глаза в слезах, душа в печаль погружена,
Горит, как хворост, плоть моя, огнем любви окружена,
И превратится на глазах в горсть пепла серого она,
Развеет ветер по земле мой прах потом, блуждаю я.

Не удивляйтесь, пересек я много стран, степей, морей,
Не удивляйтесь, вместо слез роняю жемчуг из очей.
Не удивляйтесь, о друзья, что плачу я среди ночей.
Не удивляйтесь, если я начну стенать, как соловей, —
Пора цветов, но разлучен я с цветником, блуждаю я.

Судьба не жалует меня, и жизнь горька, что делать мне?
По краю пропасти хожу, гнетет тоска, что делать мне?
Терзаюсь жаждой — не найти воды глотка, что делать мне?
Безжалостно лучи скорбей жгут бедняка, что делать мне?
Укрыться не дает мне рок своим зонтом, блуждаю я.

По положенью, по уму, по нраву прозвища дарят.
Весельчаками тех зовут, что напролет всю жизнь кутят,
Отшельниками не слывят, что в угол скрыться норовят.
А современники меня назвали именем «Фуркат»
За то, что с милой разлучен, с бедой знаком, блуждаю я.

Разлучившийся

Кто я? Расставшийся с любимой, сраженный горем соловей.
Оторван я от розоликой, от радости моих очей.
Как больно сердцу, как тоскливо, как тяжело мне в разлуке с ней.
Один скитаюсь на чужбине, один, без близких, без друзей,
Как сокол, поломавший крылья, вдали от родины своей.

Облили сердце алой кровью мечтанья об ее устах,
Мечтая о глазах-нарциссах, я обессилен, я зачах.
Что от меня теперь осталось? Одна лишь кожа на костях.
Меня считают человеком, но я давно уж только прах,
Бесмысленная оболочка, мертвец среди живых людей.

Я потерял и ум и разум и потому смятенным стал.
Погрыз в невежестве бездонном, навек умалишенным стал.
Ягненком стал осиротевшим, беспомощным, согбенным стал.
Покорным стал, утратил волю, скитальцем угнетенным стал.
Я потерял отчизну. В этом — причина слабости моей.

И вот один в степи скитаюсь — Меджнун, стремящийся к Лейли,
Повесив цепь себе на шею, брожу оборванный, в пыли.
Велик ли грех мой? Каждый путник имеет цель свою вдали.

Не виноват я, что навеки оторван от родной земли,
Что я собакою бездомной останусь до скончания дней.

Я вспомнил чистый сад былого, ручья прозрачного поток.
Скажу словами кипариса, как я от горя занемог.
Взглянув на трепетную розу, я удержать себя не смог,
Раскрыв ее дневник осенний, прочел всего один листок —
И жар любви проник мне в сердце, и жжет день ото дня сильней.

О, как освободить мне сердце из плена горя и забот?!
Кому сказать о том несчастье, что день и ночь меня гнетет?
Кто прочитает эту повесть моих страданий и невзгод?
Никто!.. Жестокий луч печали испепелит меня, сожжет.
Лишил меня родного дома мой беспощадный рок-злодей!

Увидев, как я слаб и жалок, «он любит», — люди говорят.
В печали сам, для всех печальных я стал теперь и друг и брат.
Увидев, что в тоске брожу я, что горьким горем я объят,
Узнав, что стал я чуждым веку, мне дали прозвище «Фуркат».
Тоска, тоска от года к году! Ужели нет предела ей?!

Судьба

Досадно, что множество мук мне послала судьба,
Что слабое тело печалью сковала судьба,
Превратностей тысячи мне показала судьба,
В разлуке с любимой страдать заставляла судьба,
Пред миром все тайны мои обнажала судьба.

Разлуки огонь все мое существо охватил,
И стон мой, о боже, до самых небес доходил,
Ночные страданья меня оставляли без сил,
В беде непрестанно горячие слезы я лил,
Жестоко на людях меня унижала судьба.

Встречался я с нею — и мне не забыть этих дней,
Лицо ее видел — и не было в мире милей,
Сидел с нею рядом, желанья высказывал ей.
То солнце исчезло, к любимой не знаю путей.
Рыданиями сердце мое растерзала судьба.

В саду наслаждался вином я весенней порой,
Была розоликая девушка рядом со мной,
И я в наслажденье преграды не знал ни одной,
Блаженство познал я, любуясь ее красотой.
Свободу похитив, меня наказала судьба.

Веселой и радостной жизнь моя прежде была,
И скука дороги ко мне отыскать не могла,
И прах мой тяжел, как печали гора тяжела.
.....
И в пыль превращаться меня заставляла судьба.

Своею красою лечила недуг мой она,
Но месяц проходит — и ложь ее стала ясна,
Страдаю в разлуке, и муками грудь стеснена,
Фиал моей жизни расколот до самого дна.
Так сотнями бедствий меня награждала судьба.

В саду упований я хрупким ростком зеленел,
Самум вдруг повеял — росток, словно хворост, сторел.
Наверно, никто от страданий уйти не сумел.
Фуркат, от небес ты напрасно пощады хотел,
Жизнь смысла лишила и горе наслала судьба.

Охотник, отпусти газель

Охотник, отпусти газель! Блуждать ей суждено, как мне.
Сними аркан. Ей на земле защиты нет давно, как мне.
Ей друга прежних светлых дней не встретить все равно, как мне.
Ей горе в тягостный удел назначено одно, как мне.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая боль ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

Обрежь аркан, и пусть она, как ветер, веющий с высот,
Умчится в горные луга, где верный друг подругу ждет.
Разлука сердце ей томит, тоскует дух, но где исход?
Ей пути скорби разорви, невыносим их вечный гнет.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

Оставь ей жизни краткой дни, беспомощную пожалей,
На вешней зелени позволь с газелями резвиться ей.
Пусть из тюльпанов горных пьет росу живительных дождей,
Отдав молитвам за тебя остаток мимолетных дней.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне,
Немая боль ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

Будь милосерд! Ее удел в пустынях мира одиночек.
Будь милосерд! Сними аркан и сократи мучений срок.
Слезам полон взор ее, к слезам будь милосерд, стрелок.
Детеныша хоть пожалей, коль с нею хочешь быть жесток.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

В горах тюльпаны расцвели, сияет мир, пришла весна,
Зачем же рок несправедлив и ей одной земля тесна?
Таясь в доме своем, она всегда в тоске, всегда одна,
А если вышла хоть на миг — ей злая гибель суждена.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

Ты голову ее пригнул, веревку обкрутил вокруг ног,
Поверг, бессильную, во прах и на закланье поволок.
Как чернотой прожжен тюльпан, ей сердце злобой ты прожжешь,
Но я куплю газель твою, какой ты требуешь залог?
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне,
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

Ужель ей в сердце злобный дух вселил безумия разлад?
Она — как чаша горьких слез, куда излит страданья яд.
И, как в руинах средь пустынь, дожди печали в ней шумят,
Там сам в разлуке я томлюсь, поэт, чье прозвище «фуркат».
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно, как мне,
Немая скорбь ей сердце жжет, и счастья не дано, как мне.

ПОСЛАНИЯ

Послание из Коканда

Волей неба здесь, в Коканде, мирно жизнь моя течет.
Наслаждаюсь я довольством, отдыхаю от забот.

Получил от вас недавно Ахмеджан-мулла письмо,
Счастлив я, что в нем, средь прочих, я помянут в свой черед.

Каждой вашей тонкой мыслью упивался я в письме.
Испытавший наслажденья благодарность нынче шлет.

Если о моих занятиях спросите, скажу, что я,
Возвращаясь домой из Сима, в стороне от всех забот.

Скоро месяц с Махдумханом я и вечером и днем,
Я его сопровождаю, слов его вкушаю мед.

Но когда в глаза гляжу я, для которых свет померк,—
Сам я болен, жалом острым жалость сердце мне сосет.

Я пирушки покидаю и бегу со стоном прочь,
Как певец, который хочет в песне горю дать исход.

Пожил я в Янги-Кургане, каждый день себе твердил:
«В кишлаке невыносимо! На душе тяжелый гнет.

Зной томит меня, а сердцу — одиноко и темно.
Человека нет, который помыслы мои поймет!»

Махдумхан сказал мне: «Долго Мукими здесь проживал,
Не посетовал ни разу он на здешний обиход!»

Я ответил: «Вероятно, было по сердцу ему,
У меня же ни терпенья, ни любви не достает!»

Так шутливую беседу мы закончили. Тогда
По делам я прибыл в город, тот, где Махдумхан живет.

«Будете писать, — сказал он, — пожелайте Мукими
Больше счастья...» Потому-то потерял словам я счет.

А у пери луноликой нынче в милости Фуркат,
Тайн прелестных я хранитель, сердца нежного оплот.

Письмо из Бомбея

(отрывок)

Приветствую издалека всех добрых я людей,
Любимых сверстников своих и преданных друзей.

Поэтов, сердцу дорогих, и сметливых писцов,
Весь круг талантливых певцов, приветствую ходжей

И музыкантов, чей дутар нам душу веселит,
И тех, что радуют сердца нам флейтою своей.

И если суждено вкусить на родине мне хлеб,
То я приеду наконец к друзьям в один из дней.

Где б ни был я, за вас молюсь и господу прошу,
Чтоб всеми благами земли вас награждал щедрей.

А дерево жизни вашей впредь украсит мира сад,
Листва богатства, счастья плод свисают пусть с ветвей.

А если вы хотите знать о том, как я живу,
От вас не скрою ничего, не утаю скорбен.

В Бомбей два месяца назад из Мекки прибыл я,
Невзгод пока не испытал, светло в душе моей.

Среди поклонников огня развеселился я,
Душа, как зеркало, чиста, ни пятнышка на ней.

В Египте был, в Стамбуле был, Болгарию прошел,
Немало видел городов — Бомбей их всех крупней.

Рядам торговым нет конца, потерян лавкам счет,
Шумят базары, и нигде торговли нет бойчей.

Красивы площади, вокруг сады и цветники,
Я вижу множество домов в семь-восемь этажей.

Богоугодным ремеслом здесь рикши заняты —
Доход немалый получай, лишь ног не пожалей.

Здесь, в этом городе, живет за семьдесят племен, —
Язычников и мусульман соединил Бомбей.

По городу я каждый день прогулки совершал,
Себе в попутчики я звал незанятых людей.

И вот однажды заглянул я в парк, который был
С мифическим Иремом схож из древних повестей.

Его название — «Сад цветов», просторен он, и в нем
Все строгий план предусмотрел, до самых мелочей.

Трава густа, роса на ней, а воздух свеж и чист,
Чудесны розы без шипов — отрада для очей.

Я наслаждался долго всласть веселым пеньем птиц,
На ветке горлинка поет, а рядом — соловей.

Красотки ходят средь цветов, как розы, лица их,
Слегка прищурены глаза, красив изгиб бровей.

У каждой красный талисман сияет на груди,
Он как бутон, а их глаза таят огонь страстей.

Гуляют европейки тут, красивы и стройны,
Опасен для прохожих плен любовных их сетей.

...Друзья, вы радость принесли, мне почесть оказав,
Скитальца ободрили вы — и стала жизнь светлей.

До смерти благодарен вам, что вспомнили меня,
Что я дождался наконец хороших новостей.

По вас тоскую, одиночек, я вам приветы шлю,
Паломников из Мекки я встречаю, как гостей.

Здесь все не то... Вы помните, как мы сходились в круг,
Как звуки музыки родной текли в тиши ночей.

Как Фарзинхан нас чаровал напевом «Сувора»
И дивной песней Физули... Что родины милей?!

Прощай, Бомбей! Теперь идет в глубь Индии Фуркат,
Что рок ему предназначтал, увидите позднее.

КОММЕНТАРИИ

- Айван** — крытая терраса; иногда в старой литературе обозначает царский приемный покой.
- Алиф** — первая буква арабского алфавита, изображается в виде вертикальной прямой линии.
- Анко** — арабское название мифической птицы Симург, будто обитающей на краю света, на легендарной горе Каф; птица обладала свойством становиться невидимой.
- Бейт** — двестишие.
- Газель (газаль)** — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.
- Гиджар** — струнный смычковый музыкальный инструмент.
- Дарий (Дара)** — иранский царь (522 — 486 гг. до н.э.).
- Джамшид (Джемшид)** — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.
- Дервиш** — странствующий мусульманский монах.
- Дойра** — бубен.
- Дутар** — струнный музыкальный инструмент.
- Завки** — узбекский поэт-демократ (1853 — 1921 гг.).
- Зулейха (Зюлейка)** — героиня произведений многих восточных поэтов.
- Ирем (Ирам)** — райский сад Эдем.
- Искандер** — Александр Македонский (356 — 322 гг. до н.э.).
- Кавсар (Ковсер)** — по легенде — источник в раю.
- Коран** — священное писание мусульман.
- Лейли и Меджнун** — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Меджнун теряет разум.
- Мекка** — священный город у мусульман.
- Мессия (Масих)** — легендарный пророк. В некоторых поэтических произведениях — символ света и жизни.
- Маснави** — форма восточной поэзии, двестишия.
- Муками** — выдающийся узбекский поэт-демократ (1851-1903 гг.).
- Мусаддас** — форма восточной поэзии, рифмуются первые четыре строки каждой строфы.
- Мухаммас** — форма восточной поэзии, пятистишия, в которых все строки имеют одну рифму.
- Нисбати** — поэт, современник Фурката.
- «Нун»** — буква в виде дуги с точкой в арабском алфавите.
- Пери** — волшебница, фея.
- Райхон** — душистая трава базилик.
- Рубаб** — струнный музыкальный инструмент, лютня.
- Руд** — струнный музыкальный инструмент.
- Рум** — так иранцы называли Византию, а иногда всю Малую Азию.
- Рустам (Рустем)** — легендарный богатырь, чьи подвиги описаны в «Шахнаме» выдающегося таджикско-персидского поэта Фирдоуси (934—1025 гг.).
- Саади** — классик мировой литературы, персидский поэт XIII века, автор популярных произведений «Гулистан» и «Бустан».
- Саз** — струнный музыкальный инструмент.
- Сантур** — индийский музыкальный инструмент.
- Ситар** — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.
- Сим** — нынешний город Фергана.
- Сура** — глава корана.
- Танбур** — струнный музыкальный инструмент.

Терьяк — наркотики.

Харут и Марут — по преданию, два ангела, владевшие искусством колдовства, были изгнаны из рая и низвергнуты в бездонную яму.

Фархад и Ширин — герои популярных поэм Низами, Амир Хосрова, Навои.

Физули — азербайджанский поэт (1494 — 1556 гг.).

Харам — место, куда допускаются самые близкие друзья.

Хафиз — выдающийся таджикско-персидский поэт (1325-1389 гг.).

Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

Ходжа — господин.

Хотан — область в Восточном Туркестане.

Шам — Сирия.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, секты, школы; старшина племени.

Шейхантаур — район в старом Ташкенте.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

Фуркат. *Предисловие Хамида Расула*

Газели

Когда бы сад расцвел весной... *Перевел Э. Бабаев*
Это ль капельки пота... *Перевела Ю. Нейман*
В Кашмир приехав... *Перевел В. Левик*
Пред ликом твоим... *Перевел Э. Бабаев*
Только черные кудри... *Перевела Ю. Нейман*
Мне печаль и огорченья... *Перевел Э. Бабаев*
Как с лицом твоим... *Перевела Ю. Нейман*
Я красавицу напрасно ожидаю... *Перевел С. Лиходзиевский*
Когда ко мне пришла любовь... *Перевел Э. Бабаев*
О луноликой ли душа... *Перевел Э. Бабаев*
Любимая... *Перевел С. Лиходзиевский*
Зашел в трактир... *Перевел Э. Бабаев*
О лунолика!.. *Перевел Э. Бабаев*
Твое лицо... *Перевел Э. Бабаев*
Нет, не звезды освещают... *Перевел С. Лиходзиевский*
Ты, как молния... *Перевел Э. Бабаев*
Она, открыв лицо... *Перевел В. Липко*
Красавица!.. *Перевел Э. Бабаев*
Ты розе задала вопрос... *Перевела Ю. Нейман*
Ищу лекарства от скорбей... *Перевела Ю. Нейман*
О, сколько он в сердца... *Перевел В. Липко*
О пери... *Перевела Ю. Нейман*
О, как неверны... *Перевел В. Липко*
Едва пригубишь ты... *Перевела Ю. Нейман*
Силу тайных чар... *Перевела Ю. Нейман*
Проливают кровь рекою... *Перевела Ю. Нейман*
Из-за горестной разлуки... *Перевела Ю. Нейман*
Душа подступила. ..*Перевел Э. Бабаев*
Ты, о пери... *Перевела Ю. Нейман*
Твой стан, как пальма... *Перевел В. Липко*
О розолика... *Перевел В. Липко*
Мудрецы, мне на щеки... *Перевел С. Лиходзиевский*
Я короной султана... *Перевел Э. Бабаев*
Вино пьянящее таили... *Перевел Э. Бабаев*
Тиран!.. *Перевел Э. Бабаев*
Я твой... *Перевел В. Липко*
Изгибы кос твоих... *Перевел Э. Бабаев*
Как кипарис, твой стан... *Перевел Э. Бабаев*
Светлый праздник новолунья... *Перевела Ю. Нейман*
Богачам сообщать не надо... *Перевел Б. Пармузин*
Мы люди гордые... *Перевел Э. Бабаев*
Ты с лица покрывало сняла... *Перевел Э. Бабаев*
В саду изящности... *Перевел В. Липко*

Ты чуть пошевелишь устами... *Перевел В. Липко*
В красной кофточке... *Перевела Ю. Нейман*
Считают тонким кипарис... *Перевела Ю. Нейман*
Пред розами щек... *Перевела Ю. Нейман*
Бутоны губ твоих... *Перевел Э. Бабаев*
Бутоны губ твоих... *Перевел А. Ойслендер*
Любя... *Перевел А. Ойслендер*
Где найду я в мире друга?... *Перевел Э. Бабаев*
Хорошо ли меч разлуки... *Перевела Ю. Нейман*
Я горлинкой печальной стал... *Перевела Ю. Нейман*
Не человек, достойный чести... *Перевел А. Ойслендер*
Ловят жадные уши... *Перевел Э. Бабаев*
Напрасно ты глаза подводишь... *Перевел С. Лиходзиевский*
Я в разлуке с любимой... *Перевела Ю. Нейман*
Зима промчалась... *Перевел Э. Бабаев*
Не придешь... *Перевел С. Лиходзиевский*
Я восхищен... *Перевел А. Ойслендер*
В зеркале красоты... *Перевел Э. Бабаев*
Ты ль убийцею сделала взор... *Перевела Ю. Нейман*
Я от людей провинции... *Перевел А. Ойслендер*
Какие вынес я страданья... *Перевел Э. Бабаев*
Как ни томись... *Перевел В. Липко*
Все для других в ней... *Перевел А. Ойслендер*
Снизойди ко мне... *Перевела Ю. Нейман*
О душа!.. *Перевел Э. Бабаев*
Пусть счастье встречи... *Перевел Э. Бабаев*
Пока веселье... *Перевел Э. Бабаев*
Что я могу сказать... *Перевел В. Липко*
Свой цвет утратит хна... *Перевел Э. Бабаев*
Я с наездницей... *Перевел С. Лиходзиевский*
Разве может верность... *Перевел Б. Пармузин*
Красавица!.. *Перевел Э. Бабаев*
Черны ресницы от сурьмы... *Перевел В. Левик*
Кто дал тебе... *Перевел Э. Бабаев*

Маснави

О науке. *Перевела С. Сомова*
О выставке в городе Ташкенте. I. *Перевел В. Липко*
О выставке в городе Ташкенте. II. *Перевел Н. Гребнев*
О выставке в городе Ташкенте. /77. *Перевел Н. Гребнев*
Гимназия. *Перевел С. Лиходзиевский*
Заседание в актовом зале. *Перевел С. Лиходзиевский*
О музыкальном собрании, состоявшемся в городе Ташкенте. *Перевел П. Гребнев*
В концертном зале. *Перевел С. Лиходзиевский*
Суворов. *Перевел В. Липко*
О значении поэта и возвышенности поэзии. *Перевел В. Липко*

Мухаммасы и мусаддасы

Никто не знает. *Перевел С. Лиходзиевский*

Разлучившийся. *Перевел В. Липко*

Судьба. *Перевел С. Лиходзиевский*

Охотник, отпусти газель. *Перевел В. Левин*

Послания

Послание из Коканда. *Перевела Ю. Нейман*

Письмо из Бомбея (отрывок). *Перевел С. Лиходзиевский*

Комментарии